

А.В. Гребенюк

Проблема взаимоотношений русской православной церкви и
государства в курсе отечественной истории

Учебно-методическое пособие

Нижний Новгород – 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

А.В. Гребенюк

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В КУРСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Учебно-методическое пособие

**Нижний Новгород
ННГАСУ
2011**

УДК

Рецензенты:

Солнцев Н.И. – д.и.н., доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Шляхов М.Ю. – к.и.н., доцент Нижегородского государственного педагогического университета

Гребенюк А.В. Проблема взаимоотношений русской православной церкви и государства в курсе отечественной истории [Текст]: учебно-методическое пособие / А.В. Гребенюк; Нижегород. гос. архитектур.- строит. ун-т. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2011. – 74 с.

В учебно-методическом пособии последовательно представлено развитие характера взаимоотношений между русской православной церковью и государством. Раскрываются факторы и специфика этого развития. Материал расположен по проблемно-хронологическому принципу и излагается с учетом общеисторического контекста и устоявшейся периодизации истории России. С целью закрепления и более полного усвоения материала пособие оснащено контрольными вопросами и рекомендуемой литературой к каждой теме.

Для студентов всех специальностей, а также интересующихся историей России и русской православной церкви.

©Гребенюк А.В., 2011
©ННГАСУ, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Государство и православие как проблема отечественной истории....	4
Тема I. Церковь и государство в период Киевской Руси.....	8
Тема II. РПЦ в системе общественно-политических отношений Северо-Восточной Руси в XIII-XV вв.....	18
Тема III. Русская православная церковь и Московское государство XVII столетия.....	31
Тема IV. Русская православная церковь и государство в период Империи или Синодальный.....	40
Тема V. Русская православная церковь в СССР.....	58
Заключение. Церковь и государство в постсоветской России.....	74

Введение.

Государство и православие как проблема отечественной истории

Тема «Государство и православие» носит междисциплинарный характер и является предметом анализа не только исторического, но и культурологического, политологического, философского. В историческом аспекте в ее основе лежит проблема взаимоотношений государства и церкви как определенного общественного института, организации. Такое понимание проблемы в отечественной исторической науке сформировалось не сразу. Первоначально история церкви рассматривалась самостоятельно от истории общества и государства. Со второй половины XIX века в рамках церковно-исторических исследований церковная история понималась как история церковной организации. Однако уже тогда отдельные периоды истории русской церкви соотносились с этапами истории гражданской, для периодизации которой главным критерием выступала специфика государственного строя, хотя для церковно-исторической науки этого периода в большинстве случаев было характерно слабое внимание к проблеме церковно-государственных взаимоотношений в силу научной, мировоззренческой и учебно-административной традиции разделять гражданскую и церковную историю. Вместе с тем в преобладавшем направлении отечественной исторической мысли во второй половине XIX века, в так называемой «государственно-юридической школе» русская православная церковь оценивалась как «инструмент» государственной политики, не игравший самостоятельной роли в процессе государственного строительства.

В работах историков церкви с конца XIX века русская православная церковь начинает рассматриваться как часть социальной системы, а набиравшее в это время силу социально-политическое направление исторических исследований позволяет историкам иначе взглянуть на характер церковно-государственных отношений в отечественной истории. В ряде исследований начала XX века в связи с этим церковь рассматривается как

самостоятельный фактор процесса государствообразования, действие которого не исчерпывается церковно-административным давлением или идеологической поддержкой политических акций гражданских властей. В этих работах ставится вопрос о мировоззренческом влиянии церкви на государственную теорию и практику. Однако вопрос этот не успел получить в дореволюционных исследованиях системной разработки.

В советской исторической науке эта тема прежде всего в силу идеологических причин не получила должного внимания. Во-первых, потому что исторический материализм как теоретическая основа советских исторических исследований признавал лишь «относительную самостоятельность развития идеологии и опосредованную ее зависимость от социально-экономического базиса». Во-вторых, с середины 30-х гг. XX века проблема церковно-государственных взаимоотношений, по сути, стала разбираться в русле оценок и подходов к ней государственно-юридической школы отечественной историографии. Данные оценки и подходы были гармонично вписаны советскими историками в рамки марксистского метода и соответствовали официальным взглядам и политическим настроениям руководства страны, церковной политике советского государства 30–50-х гг. XX в.

В последующие советские периоды исторической науки эта тема продолжала сохранять политическую подоплеку, ее рассмотрение часто зависело от политических настроений в стране. Так, в 1960 г. На Всесоюзном форуме «Советская общественность за мир» с докладом о роли церкви и православия в истории культуры и государства России выступил митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Именно после его выступления появилось огромное количество работ, где утверждалось, что церковная православная культура всегда была чужда народному мировоззрению, ничего не дала национальной культуре. Здесь советские исследователи исходили из посылки об «антицерковности народной культуры» и утверждения о том, что народное мировоззрение средневековой Руси, по сути, «апокрифично». В основном это

были работы культурологического, религиоведческого и философского плана. Однако именно в 1960–1980-е гг. в ряде исторических исследований, затрагивавших в той или иной степени проблему церковно-государственных взаимоотношений, наблюдается выход за рамки общих штампованных фраз и оценок русской православной церкви как простой «служанки феодального государства» и «орудия в руках эксплуататорских классов», признается самостоятельность ее политических целей и задач. Церковно-политическая идеология и ее участие в жизни государства вновь, как и в начале XX века, становится объектом исторического внимания. Однако разработка этого аспекта церковно-государственных отношений оказывается в «прокрустовом ложе» марксистской доктрины, уводя советские исследования вопроса в те аспекты истории церковно-государственных отношений, которые вписывались в ее положения и установки.

Противоположную крайность можно найти в трудах современных философов, культурологов, религиоведов. С их точки зрения, «вся русская культура», весь «умственный строй» русского народа основан на православии, «без которого не было бы русской культуры». Утверждается, что нравственно-этические ценности православия как религиозной системы гармонируют «с русским этническим мировоззрением, национальным характером». Эти труды опираются на работы русских религиозных философов начала XX века (И.А.Ильин, С.Л.Франк, С.Н.Булгаков) и современную социальную доктрину русской православной церкви, в которой утверждается, что только православие, его духовные ценности позволят выйти из системного кризиса, в котором оказалась современная Россия. Однако существенно более ценным для понимания проблемы положением в современных исследованиях являются представления о том, что православие формировало в этническом сознании базовые образы окружающей действительности: образ себя, образ мира, образ врага, образ власти и т.д. Все это получало в русском историческом сознании религиозно-нравственные определения. Эти выводы и оценки можно найти в работах 90-х гг. XX века, когда церковно-историческая проблематика

находится на пике исследовательского интереса, активно проводятся международные «круглые столы», посвященные проблемам истории церкви, появляется ряд церковно-исторических исследований, опирающихся на принципы семиотики и в сферу внимания которых входит семантическая структура русского языка в разные исторические периоды.

Возрождению церковно-исторической проблематики как самостоятельному направлению исторических исследований способствовала так называемая «архивная революция», а также активная церковно-научная деятельность под патронажем Патриархии. Тема истории церковно-государственных отношений заняла прочное место в учебной и исследовательской литературе. Сегодня появилось значительное количество исследований, разбирающих различные аспекты этих отношений в разные исторические эпохи. Такой интерес к истории взаимоотношений церкви и государства вполне соответствует активизации внимания к такой более широкой по отношению к ней теме, как «общество и власть в истории страны».

Тема I. Церковь и государство в период Киевской Руси

I. *Принятие христианства на Руси*

Летописная традиция отдает заслугу принятия христианства на Руси молодому древнерусскому государству и его главе князю Владимиру. Эта особенность летописных произведений вполне соответствовала и советскому пониманию процесса принятия и распространения христианства. С 1930-х гг. XX века в советской историографии принятие христианства на Руси оценивалось с позиций государственной пользы, а один из разработчиков советской концепции данного вопроса В.В. Мавродин видел в этом процессе, прежде всего, политическую подоплеку. То, что православие на Руси принималось по инициативе государства и как государственная религия - устоявшаяся точка зрения в литературе.

Несмотря на системную разработку этой темы в советской исторической мысли, она до сих пор содержит множество открытых вопросов. Эти сюжеты в одной из своих работ обозначил крупный советский специалист по церковно-политической проблематике данного периода академик Я.Н. Шапов. Это вопросы о том, когда именно возникла русская православная церковь, каким было ее первоначальное организационное устройство, как строились ее отношения с константинопольским патриархатом. Нет определенного ответа на вопрос о средствах существования церкви в начальный период ее истории, кто стоял во главе церкви, как назначали этого главу, что унаследовала церковь от христианства, существовавшего на Руси до крещения киевлян?

Разнообразием отличаются трактовки вопроса *о каналах проникновения христианства на Русь*. В современной литературе можно найти следующие объяснения:

- из Византии посредством политических и торговых связей;
- из Болгарии (версия впервые озвучена М.Д. Приселковым): Русь до 1030-х гг.- болгарская ставропигия (в ней действует прямое правление

болгарского архиепископа, а первый русский митрополит – Михаил Сирин – болгарин по происхождению (Иоакимовская летопись));

- в первоначальном христианстве на Руси присутствуют римско-католические корни. Так, в *«Повести временных лет»* под 959 г. говорится о посольстве от княгини Ольги к императору Священной римской империи Оттону I, отправленном с просьбой прислать епископа и священника в Киев. Посольство во главе с епископом Адальбертом прибыло в 961 г. Но уже в 962 г. оно вынуждено было покинуть Киев и частью было перебито язычниками. Посольства из Рима принимали внуки Ольги: Ярополк (979 г.) и Владимир (988 г.);

- в какой-то степени христианские веяния могли проникать на Русь через Скандинавию и Германию, что отразилось, прежде всего, на церковной лексике (термины: поп, алтарь, церковь, агнец – имеют, возможно, германское происхождение).

Не много известно *об истории христианства на Руси до официальной даты крещения*. В Никоновской летописи содержатся сведения о том, что после смерти киевского правителя второй половины IX века Аскольда, на его могиле был поставлен храм святого Николая. Вероятно, имя Николай могло быть христианским именем Аскольда.

Косвенные свидетельства о распространении христианства на Руси до 988 г. содержатся в договорах Киевских князей с Византией.

Так, договора князя Олега 907 г. и 912 г. четко разделяют договаривающиеся стороны на греков-христиан и русских – не христиан. Здесь христианин – только грек.

Следующий договор князя Игоря от 944 г. уже разделяет русских на христиан и язычников и упоминает о церкви святого Ильи в Киеве.

Византийские источники говорят о том, что еще до 988 г. Русь была христианской территорией. Так, *«Окружное послание»* патриарха Фотия 866 – 867 гг. сообщает о крещении народа Русь. Та же информация присутствует в *«Жизнеописании императора Михаила»* – современника патриарха Фотия. Эти

источники говорят о том, что на Русь уже тогда был отправлен митрополит. Византийский император середины X века Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» мимоходом упоминал «русскую епархию».

Церковный устав князя Владимира тоже содержит краткое упоминание о крещении Руси при патриархе Фотии в середине IX века.

«Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) сообщает о том, что непосредственно крещению предшествовала *языческая реформа*. Суть ее заключается в установлении киевским князем Владимиром Святославичем на теремном дворе в Киеве идолов языческих богов во главе с Перуном. Создание языческого пантеона Владимиром историками объясняется по-разному:

- Объединение племенных богов различных восточнославянских племен могло символизировать единство Древнерусского государства, все еще сохранявшего племенную структуру;

- Это было проявлением попытки власти мобилизовать языческие силы на борьбу с усилившимся в Киеве христианством;

- Созданный пантеон отражал языческую картину мира, т.к. каждый из богов олицетворял определенное явление природы.

В любом случае данная реформа означала, что в конце X века государство, видимо, не выпускало из под контроля религиозную сферу жизни столицы.

Возможно, именно это капище, созданное в ходе языческой реформы 980 г. было описано арабским путешественником X века Ахмедом ибн Фадланом. Под 988 г. ПВЛ сообщает об уничтожении этого собрания богов в ходе крещения Руси. Ни о каких недовольствах населения, сопровождавших это событие, в источниках не упоминается. Иначе обстояло дело с низвержением языческих идолов в Новгороде, осуществленным дядей князя Владимира Добрыней. ПВЛ красочно описывает крещение Новгорода Добрыней, которое проводилось «огнем и мечем».

О событиях, непосредственно предшествовавших акту крещения и о самом ходе крещения, мы узнаем из источников русского и византийского происхождения.

К русским источникам относится сборник повествований, условно называемый «Сказание о распространении христианства на Руси». В него входит предание «О крещении и кончине княгини Ольги», «Сказание о первых мучениках-варягах», «Сказание о крещении Руси», «Сказание о князьях Борисе и Глебе», «Похвала князю Ярославу Мудрому». Возможно, все эти произведения принадлежат одному автору, т. к. они связаны идейно и композиционно и относятся к 40-м гг. XI века. Кроме того, сведения о крещении содержит «Память и похвала Владимиру Святославичу» Иакова Мниха, «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Ряд сведений о крещении находится в Иоакимовской летописи.

В отечественной исторической науке долгое время преобладал скептический взгляд на эти произведения. Историки XIX – начала XX века считали информацию, содержащуюся в них, полностью вымышленной. Иоакимовская летопись еще с XVIII века рассматривалась историками как подделка.

Византийские источники представлены хроникой Льва Дьякона (конец X века), произведениями Иоанна Зонары, Михаила Пселла и Иоанна Скилицы (вторая половина XI века).

Если русские произведения о крещении рассматривают последнее как акт не политического, а исключительно религиозного значения, то византийские источники считают его одним из эпизодов русско-византийских политических взаимоотношений. В то же время они не упоминают о массовом крещении Руси в конце X века. Тем не менее именно они дают основные сведения об обстоятельствах крещения.

Важнейшими *политическими последствиями* крещения стало появление нового элемента в системе социально-политических отношений древней Руси – русской православной церкви, формирование новой государственной

идеологии, основанной на христианской доктрине, развитие христианского общественно-политического сознания.

II. Княжеская власть и церковная организация в конце X – начале XIII веков

Вопросы, связанные с изучением церковной организации в Киевской Руси, такие, как территориально-административное деление, источники финансирования, пределы церковной юрисдикции, имена первых митрополитов, время создания митрополии не решены в исследовательской литературе со всей четкостью и ясностью.

Первого митрополита на Руси, о котором говорит ПВЛ звали Феопемпт. Он в 1039 г. освящал обновленную Десятинную церковь. Но в церковном уставе князя Владимира мы узнаем и о других именах митрополитов, которые, возможно, были еще до Феопемпта. Одна группа церковных уставов князя Владимира называет первым митрополитом Льва, другая – Михаила. Известный русский исследователь истории церкви А.В. Карташев решал эту дилемму следующим образом: одного из крупнейших церковных иерархов, живших во времена князя Владимира, действительно звали Леон. Он был в конце X века главой автокефальной Охридской митрополии и как территориально ближайший иерарх, возможно, возглавлял русскую православную церковь не буквально, а канонически как миссионерскую, еще не сформировавшуюся организационно. Что же касается Михаила, то на его положение по Уставу князя Владимира проливают свет византийские источники. В них митрополит Михаил – более «древний» персонаж. Именно он был послан Константинопольским патриархом Фотием в середине IX века митрополитом на Русь. Однако ничего не известно о судьбе Михаила, вызывает сомнение и его статус. К тому же если митрополия на Руси возникла в IX веке, то почему в начале XI в. мы все еще наблюдаем процесс ее организационного оформления?

Среди имен самых первых предстоятелей церкви также находим имена Иоанна (10–20-е гг. XI века – в «Сказании о Борисе и Глебе»), Иллариона (1051–1054 гг.), Георгия (60–70-е гг. XI века), Иоанна II (80-е гг. XI века).

Главной особенностью формирования Киевской митрополии было то, что на формы ее организации оказала влияние структура государственного устройства Киевской Руси. Также многие особенности церковной организации были заимствованы у Византии, но были и существенные отличия. Канонически Киевская митрополия являлась частью Константинопольского патриархата, и Киевский митрополит административно подчинялся Константинопольскому патриарху: последний не только назначал киевских митрополитов, но мог и вызывать их на соборы, обладал правом суда над ними, проводил апелляции на суд митрополита, учреждал ставропигии. Границы Константинопольского патриархата теоретически совпадали с границами Византийской империи. И поэтому, также как и в церковном отношении, Русская митрополия должна была подчиняться патриарху, в политическом отношении – Киевское княжество должно было находиться в вассальных отношениях к Византийской империи.

Почти все митрополиты Киевского периода – греки, кроме двух – Иллариона и Клемента Смолятича. Хотя по 28 правилу IV Вселенского собора митрополита избирает поместный собор всех епископов данной митрополии, а патриарх лишь утверждает (посвящает) его в митрополиты, однако с IX века в Византии входит в практику не только посвящение, но и выбор митрополитов непосредственно патриархом. Собственно в этом и проявлялась зависимость митрополии.

Русские князья знали о греческом политическом давлении через церковь и пытались ему противодействовать. Относительно XI–XII вв. источники содержат ряд примеров их борьбы за автокефалию. В это время было несколько попыток самостоятельного поставления митрополита князьями. Так, в 1051–1054 гг. священник княжеского села Берестово, подвижник и писатель Илларион занимал должность митрополита. На нее он был поставлен

поместным собором и князем Ярославом Мудрым. Затем мы снова видим на митрополичьей кафедре грека – митрополита Ефрема. В 1147 г. Киевским митрополитом при поддержке князя Изяслава Мстиславича стал инок Зарубского монастыря Клемент Смолятич.

Каково же было *епархиальное устройство Русской митрополии*? Епархии возникали в крупных городах, где были князья. Как правило, их границы совпадали с границами княжества. При князе Владимире было открыто 8 епархий: в Белгороде, Владимире Волынском, Чернигове, Турове, Полоцке, Новгороде, Ростове и в Тьмутаракани.

После смерти князя Владимира и до нашествия монголов было открыто еще 8 епархий: при Ярославе Мудром – в Юрьеве и Переяславле, в 1137 г. – в Смоленске, до 1165 г. – в Галиче, до 1207 г. – в Рязани, в 1214 г. – во Владимире-на-Клязьме, в 1220 г. – в Перемышле, в это же время – в Угровске.

Для утверждения в 991 г. епископата в Новгороде князю пришлось подавлять восстание. В Ростове два первых епископа – Федор и Илларион под давлением языческого племени меря убежали из епархии. Еще один епископ Ростова – Леонтий во второй половине XI века был убит язычниками. Из «ПВЛ» становится понятным, что инициатива организации епархий в основном исходила от княжеской власти. Так, о деятельности князя Владимира в этом вопросе летопись сообщает: «...нача ставити по градом церкви и попы и люди на крещение приводити по всем градом и селом».

После 1132 г. в Киевской Руси преобладает полицентрическая структура государства. Эта особенность отразилась и на церковном управлении. Если раньше существовало жесткое подчинение Киевскому князю и митрополиту, то в период раздробленности эта зависимость ослабевает. В церковной сфере это проявляется в игнорировании епископами права митрополита ежегодно собирать поместные соборы. Епископы не слушались даже экстренных приглашений митрополитов. За весь более чем двухсотлетний Киевский период истории РПЦ исследователи насчитывают не более 15 созывов поместных соборов. Ослабление власти митрополитов после 1132 г. можно увидеть и в

попытке Ростово-Суздальского князя Андрея Боголюбского создать в своем княжестве отдельную митрополию, возведя на нее собственного избранника – некоего Феодора. Эта попытка, предпринятая в 1158 г., отразила объективный процесс перемещения в это время центра политической жизни из Киева на северо-восток Руси.

В период раздробленности параллельно с ослаблением власти митрополита усиливалось влияние местных князей на деятельность епархиального руководства. С середины XII века при избрании епископа значительную роль начинает играть местный князь, фактически определяя процесс избрания. По мнению летописцев XII века – это норма.

Тем не менее организационная система РПЦ в период раздробленности была более сплоченной и единой, чем само государство, и поэтому играло положительную роль, поддерживая межкняжеские связи.

Первоначально *вопросы материального обеспечения церкви* целиком зависели от князя. В княжеских церковных уставах церковь обеспечивается десятой частью государственных доходов – десятиной. Необходимо заметить, что в самой Византии такого налога просто не было. Сбор десятины возлагался на саму церковь и, возможно, уже в Киевский период возникла такая церковная должность как десятинники – светские архиерейские чиновники, сборщики десятины. Собственно часть десятины – дохода от торговых и судебных пошлин поступала в церковь автоматически, оставшуюся часть собирали названные выше чиновники. Такой способ материального обеспечения церкви просуществовал вплоть до монголо-татарского нашествия и затем исчез, т.к. князья уже не контролировали сбор податей, а их казна была пуста. Десятина превратилась в самостоятельный сбор церковью епископской дани. Еще одним важным источником дохода, в формировании которого непосредственно участвовала княжеская власть, были пожертвования со стороны князей недвижимого имущества в адрес церкви. У РПЦ были и иные источники доходов. Однако в Киевский период основные каналы их поступления напрямую зависели от князей.

Церковное законодательство включало элементы как русского, так и византийского происхождения. К византийским относится «Свод законов» Константинопольского патриарха VI века Иоанна Схоластика – сборник внутрицерковных правил, подразделявшихся на 50 глав. Также имел хождение и «Номоканон» патриарха Фотия (середины IX века) – свод византийских гражданских и церковных правовых норм. На Руси он существовал в славянском переводе. Но гражданская часть этих сводов – императорские указы, касающиеся церкви, на Руси не действовали. Это подтверждает и наличие собственных княжеских уставов относительно церкви.

«Уставами» Владимира и Ярослава Мудрого, церковными грамотами местных князей в основном определялись не обязанности, а права церкви. В частности, князья передавали РПЦ часть своей судебной власти и имущественных прав.

В Византии епископы могли участвовать в ведении любого гражданского суда, но не были материально заинтересованы в этом процессе и привлекались к нему как нравственные и богословские авторитеты. Иначе было на Руси. Здесь большинство преступлений искупалось денежными штрафами, которые составляли доход князей и содержание судей. В этой связи вмешательство церкви во все дела гражданского суда исключалось. Просто создавался особый круг дел, поступавший в единоличное ведомство церкви. Церковному суду были подвластны дела, касающиеся браков, разводов, отношений между родственниками, по преступлениям против нравственности, а также все дела людей, тесно связанных с церковью. Ряд дел находился в совместном гражданско-церковном судопроизводстве.

Таким образом, в Киевский период своей истории РПЦ находилась на стадии организационного оформления, что требовало от нее тесного сотрудничества с гражданскими властями. Это обстоятельство определяло и формы церковной зависимости от них (материальную, правовую, административную). Вместе с тем официальное подчинение митрополии Константинопольскому патриарху обеспечивало церкви определенную степень

независимости от княжеской власти во внутренних делах. Да и сама эта власть нуждалась в идеологической поддержке РПЦ.

Контрольные вопросы по теме:

1. Как вы понимаете выражение: «Православие на Руси – это государственная религия»?
2. Как происходило принятие христианства на Руси? Какую роль в этом процессе играло государство?
3. Каковы общественно-политические последствия принятия христианства на Руси?
4. В чем заключались характерные особенности организации русской православной церкви в Древней Руси?
5. Какое влияние оказало государство на организационную структуру православной церкви в это время?

Рекомендуемая литература по теме:

1. Введение христианства на Руси. Сб.ст. под ред. А.Д. Сухова. – М., 1987.
2. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв. – М., 1972.
3. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т.1./ Е.Е. Голубинский. – М., 1901.
4. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Собр. соч. в 2-х т. – Т. 1. / А.В. Карташев. – М., 1993 .
5. Как была крещена Русь. Сб. ст. – М., 1990.
6. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. / А.П. Толочко. – Киев, 1992.
7. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв./ М.Д. Приселков. – СПб, 2003.

Тема II. РПЦ в системе общественно-политических отношений Северо-Восточной Руси в XIII-XV вв.

I. РПЦ и Золотая Орда в XIII-XIV вв.

Современной историографией выделяются две концепции русско-монгольских отношений: «евразийская» и концепция советской исторической науки, сложившаяся в 30-70-е гг. XX века. Если советская концепция, основы которой были заложены А.Н. Насоновым, сводила характер русско-монгольских связей в основном к погромам и насилию, то «евразийцы» рассматривали северо-восточные русские земли в качестве восприемника Золотой Орды и считали, что влияние тюркского элемента сказалось на быте, образе жизни, психологии народа, на его социальной организации и государственном устройстве. Анализируя эти точки зрения, современный исследователь Ю.В. Кривошеев призывает взвешенно подходить к обоим суждениям и в то же время не переоценивать татаро-монгольское влияние на социально-политические институты Владимирской и Московской Руси.

Положение русских земель в составе Монгольской империи и характер их взаимоотношений с государством Золотая Орда принято называть монголо-татарским игмом. В этой системе отношений РПЦ занимала особое положение.

В период монголо-татарского нашествия множество церквей было уничтожено завоевателями. Затем почти на 50 лет прекратился процесс их строительства. Литературные произведения, вышедшие из церковных кругов, рассматривали иго как «бич Божий», как «Божье наказание за грехи». Однако не одно восстание в Северо-Восточной Руси в XIII-XIV вв. против татар не было поддержано церковью (речь идет о таких восстаниях, как восстание во Владимиро-Суздальской земле в 1252 г. во главе с князем Андреем Ярославичем, восстание против «численников» в Новгороде в 1259 г., восстание в Северо-Восточной Руси в 1293 г. или восстание в Твери в 1327 г.)

Уже при хане Батые РПЦ получает целый ряд льгот от Орды, налоговый и судебный иммунитет. Духовенство не участвовало в выплате ежегодной ордынской дани («выхода»), получило независимое от князей право сбора церковного налога, имело право самостоятельного церковного суда. Митрополит, официальная резиденция которого до 1299 г. находилась в Киеве, имел своего постоянного представителя в ставке хана – Сарайского (бывшего Переяславского) епископа.

В дореволюционной исторической мысли такое наделение льготами православного духовенства объяснялось, как правило, особенностями религии монголов – шаманизмом. Монголы благожелательно относились ко всем мировым религиям и богам. Делали они это, что называется, на всякий случай. Иисус Христос для них – один из множества богов, которого не стоит обижать понапрасну.

Однако льготы РПЦ сохранила даже после того, как во второй четверти XIV века в Золотой Орде при хане Узбеке двор и часть общества приняли ислам. Как отмечал известный русский историк, близкий к «евразийцам», профессор Г.В. Вернадский, принятие ислама монголами оказало огромное влияние на восприятие русскими Золотой Орды. Последняя стала рассматриваться как враждебная православию территория, а русские стали противопоставлять себя татарам по религиозному признаку как иноверцам.

В связи с этим другая точка зрения объясняет церковные льготы следствием стремления ханов заручиться идеологической поддержкой или сформировать хотя бы лояльное отношение РПЦ к Орде. Их политика достигла определенного результата. Лишь с конца XIV в., когда по соглашению 1392 г. между Московским князем Василием I и митрополитом Киприаном церковь стала участвовать в выплате ордынского выхода, требования борьбы с Ордой стали звучать все сильнее и в церковной среде.

В поздней советской исторической литературе присутствует мнение о том, что и далее русская православная церковь ориентировалась на сохранение «status quo», сложившегося в отношениях между Ордой и русскими землями на

протяжении XIII-XIV вв. Именно такой характер отношений обеспечивал церкви сохранение льгот и относительную независимость от местной княжеской власти, позволял сохранять церкви собственную политическую линию поведения, не всегда совпадавшую с великокняжескими амбициями. (О том, что русская православная церковь понимала выгоду этого положения, говорят факты участия РПЦ в XV в. в процессе подделки иммунитетных грамот и в том числе ханских ярлыков русским митрополитам). Такое упорное стремление к самостоятельности от великокняжеской власти ярко проявилось в эпизоде 80-х гг. XIV века, когда наиболее политически активная часть духовенства во главе с Сергием Радонежским и Дионисием Нижегородско-Суздальским выступила против инициативы Дмитрия Донского поставить на митрополичий престол собственного придворного священника Митяя, что естественно могло усилить великокняжеский контроль над церковной жизнью.

Таким образом период монголо-татарского ига во многом совпал с этапом истории церковно-политических отношений, когда РПЦ пользовалась наибольшей степенью административной, правовой и финансовой независимости от князей Северо-Восточной Руси, опираясь при этом на внешние по отношению к русским князьям санкции своего положения. В качестве источника последних относительно русской православной церкви продолжал выступать Константинопольский патриарх и хан Золотой Орды.

II. Русская православная церковь и процесс образования единого Великорусского государства (конец XIV—XV вв.)

Уже в дореволюционной гражданской и церковной исторической литературе были сформулированы *основные аспекты данной проблемы*: характер церковно-государственных отношений, формы участия церкви в процессе государствообразования, отражение политико-религиозных идей русского духовенства в идеологии и политической практике формирующегося Московского государства, роль православного вероучения в формировании общественных представлений о государственной власти.

В *дореволюционной исторической науке* во второй половине XIX века ряд аспектов этой темы был разработан историками так называемой «государственно-юридической школы». Особенность их подхода к проблеме заключалась в том, что упор в церковно-государственных отношениях эпохи неизменно переносился на государство. Церковь рассматривалась как союзник и помощник князей в процессе «государственного собирания» земель и власти. Среди форм участия РПЦ в «государственном строительстве» ими выделялись административное (использование монастырской организационной структуры и, прежде всего, общежительных монастырей для сопровождения московского великокняжеского влияния на соседние территории; применение церковных методов наказания таких, как отлучение от церкви, закрытие храмов и т.д. для давления на политических противников Москвы, как «собирателя» государства); финансовое (использование церковных, монастырских средств на политические акции Москвы); идеологическое содействие светским властям. Под последним понималось идейное обеспечение и обоснование политической акции в государстве, освящение, сакрализация власти в глазах общества. Представители этого направления обратили внимание на то, что церковно-государственные отношения строились всегда на взаимовыгодной основе.

В ряде работ конца XIX – начала XX вв. формирование единого русского государства рассматривалось как процесс оформления новой системы общественно-политических отношений, в котором самостоятельную роль играет не только государственная, княжеская власть, но и социальная организация общества и, прежде всего, его политическое сознание. Представители этой точки зрения опирались на постулат о значении идеальных факторов (идей, мировоззрений) в истории. Поэтому под основной формой участия РПЦ в формировании Московской государственности здесь понималось создание у населения православным духовенством, религиозных и этических представлений или образов (и в первую очередь образа власти), корректировавших общественные взгляды на государство. Эти представления отразились в политической практике московских князей, вмешивались в

действия властей, легли в основу государственно внешнеполитической доктрины.

Однако в дореволюционной литературе этот аспект участия церкви в формировании русского государства остался в основном на теоретическом уровне разработки. Тогда как *советская историческая мысль* фактически приняла первый вариант исследования темы, но подвела под него совершенно другие теоретико-методологические основания:

- представления о церкви как об идеологическом орудии феодального государства и крупнейшем феодале;

- противопоставление церковной и народной культурных традиций;

- нивелирование роли церкви и православия в развитии русской культуры народного мировоззрения;

- представление государственной идеологии эпохи как светской по преимуществу;

- принижение роли церковно-религиозной литературы как источника по социально-экономической, общественно-политической истории, истории общественной мысли.

Советскими исследованиями были тщательно проанализированы мотивы политических и экономических мероприятий РПЦ в XIV-XVI вв., дана развернутая периодизация церковно-государственных отношениях в период образования Московского государства, более подробно рассмотрены формы идеологической поддержки государства со стороны церкви. Однако другая сторона церковно-государственных отношений – соотношение православных этических норм и государственной политики осталась на прежнем уровне исследования. Тема была фактически закрыта и анализировалась опосредовано и с негативной окраской.

Оценки поздней советской исторической мыслью участия РПЦ в формировании великорусского государства отличались противоречивостью. С одной стороны, историками признавалось за церковью авторство ряда политических идей эпохи государственного объединения. Отмечалась ими и

самостоятельность политических целей и ориентиров РПЦ в этот период, обнаруживалось и ее стремление к независимости от государства. Расставание с этой независимостью у церкви с их точки зрения фактически началось со второй половины XV в. С другой стороны, в советских исторических исследованиях господствует мысль о светском по преимуществу характере формирующейся государственной идеологии этого времени, о восприятии церкви как исполнителя идеологических заказов московской великокняжеской власти.

Интерес именно к этому аспекту проблемы значительно вырос в 80-90 гг. XX в., когда ситуация в отечественной исторической науке кардинально изменилась. Активное обращение к *цивилизационному подходу* в эти годы позволило исследователям подойти к проблеме с новыми теоретическими и методологическими приемами. Этот подход позволяет рассматривать церковь и светскую политическую власть как два самостоятельных элемента в цивилизационной системе отношений, что в свою очередь дает возможность выделить критерии сравнения в характере развития и функционирования этих двух институтов в контексте процесса формирования русской государственности и попытаться рассмотреть церковь как его самостоятельный «духовный» фактор, оказывавший влияние и на политическое сознание, и на политическую культуру эпохи.

Таким образом, ключевым моментом в изучении проблемы участия РПЦ в формировании Московского государства является вопрос о том, насколько самостоятельный характер носило это участие и когда оно его утратило? Ответ на этот вопрос нужно искать в характере церковно-государственных отношений эпохи.

Традиционно выделяют несколько периодов в их развитии. Касательно 30-70 гг. XIV в. исследователи, как правило, говорят как о времени сотрудничества митрополичьей кафедры и великих Московских князей. Речь идет о митрополитах Феогносте и Алексие. Последний в малолетство Дмитрия Ивановича Донского возглавлял московское правительство. Он активно

использовал свои церковно-административные ресурсы в борьбе с противниками Москвы: отлучил от церкви тверского князя Михаила Ярославовича, Смоленского князя Святослава, Тверского епископа Алексия, закрывал храмы Нижнего Новгорода, преследовал епископов, не поддерживающих Московского князя.

В конце 70-х - начале 80-х годов XIV в. в этих взаимоотношениях начинается новый период: происходит разделение линий светской и церковной политики. В это время митрополит и монастырские старцы стремятся сохранить не только свой экономический и политический иммунитет, но и удержать политическое влияние на великокняжескую власть, которая, в свою очередь, пытается поставить митрополичью кафедру под свой контроль.

90-е годы XIV века - середина XV в. – эпоха относительного равновесия сил и взаимовыгодного сотрудничества. В этот период правления митрополитов – греков – Киприана (1390-1406 гг.) и Фотия (1408-1431 гг.), митрополичья кафедра сохраняет свой политический нейтралитет и не участвует в акциях московских князей. Так, например, когда Московский князь Василий Дмитриевич боролся с Новгородом за Двинскую землю в 90-е годы XIV века или с Литвой за Окские города в начале XV в., митрополит не подвергал его противников церковному отлучению. В это время политическая независимость митрополитов от князя все еще опиралась на санкцию Константинопольского патриарха. Ответным шагом князей стало прекращение пожалований в пользу митрополичьего землевладения. В результате в это время началась настоящая борьба митрополичьей кафедры за землю, в ходе которой митрополичий двор прибегал к фальсификации владельческих грамот как к инструменту борьбы с незаконными захватами церковных земель.

В этот период сокращаются и объемы судебных полномочий церкви. Как правило, эти полномочия переходят к великому князю. Так, по договорным грамотам 1392 и 1404 гг. между митрополитом Киприаном и Василием Дмитриевичем Московским не только митрополит, но и князь начинают участвовать в суде над церковными людьми по гражданским и уголовным

делам. В это время постепенно от монастыря к монастырю начинает устанавливаться и подсудность князю игуменов. Но точный объем изменений церковной юрисдикции неизвестен.

С середины XV в. для русской православной церкви начинается «эпоха выборных митрополитов». В это время митрополичья кафедра все жестче включается в структуру княжеских органов управления, а главную роль в выборе митрополита начинает играть Московский князь, т.к. митрополичья кафедра с середины XV в. фактически не имела заграничного управления, а митрополиты утратили внешнюю санкцию своей власти. Митрополичья кафедра оказалась открытой для давления князей. Такая возможность появилась после 1439 года, когда, в результате Флорентийской унии Константинопольский патриарх подписал соглашение с католиками, а в 1453 году турки захватили Константинополь, сам же Константинопольский патриарх стал пленником турецкого султана.

Несмотря на то что константинопольские патриархи долгое время (до конца XVI в.) не признавали самостоятельности русской церкви, тем не менее ее фактическая независимость привела к усилению вмешательства князей во внутренние дела РПЦ. С середины XV в. князья считали себя вправе решать даже чисто канонические вопросы, тасовали монастырские земли, вмешивались во внутрицерковные споры.

Изменение характера взаимоотношений между предстоятелями церкви и главой государства внешне выразилось в «Чине поставления в епископы». Если в первой половине XV в. церковными правилами строго запрещалось принятие сана из рук светского правителя, то в конце XV в., при митрополите Симоне (в 1495 г.), был разработан целый обряд, по которому последний возводился на кафедру по велению Московского князя.

Самым трагическим моментом в этом процессе являлась судьба Московского митрополита Филиппа II (Колычева), противопоставившего «голос» церкви мнению государя в драматический период опричнины.

III. *Еретические течения и особенности церковно-государственных отношений XIV – XVI вв.*

Ереси (haeresis (греч.) – особое учение) – течения, отклоняющиеся от официальной церковной доктрины в области догматики и культа. Их богословскими теоретическими источниками на Руси считают общехристианские ереси, проникавшие на Русь одновременно с церковной идеологией: арианство, монофизитство, несторианство.

Церковная традиция рассматривает ереси как подрыв догматических основ религии и ревизию христианского учения, основанного на Священном Писании и Святом Предании, на постановлениях первых семи Вселенских соборов.

Высший пик еретических движений на Руси пришелся на XIV – XVI вв.

В дореволюционной исторической мысли господствующей точкой зрения на природу русских ересей было представление об их антигосударственном характере, т.к. ереси, подрывая основу церкви – государственной на Руси, тем самым подрывали основу государства.

Советские исследователи видели в них проявление социальных противоречий, определенную форму социального протеста, отражение классовой борьбы.

Первой по времени возникновения ересью было так называемое «стригольничество». По мнению некоторых современных исследователей, стригольничество существовало уже в конце XII в., и лишь чрезвычайные обстоятельства – эпидемия чумы в середине XIV в. и связанные с ней бедствия вызвали его открытую проповедь.

Характеризуя это еретическое течение, его внутреннее содержание, исследователи ограничены письменными источниками, возникшими в лагере его противников – ортодоксов. Эта особенность в известной степени предопределяет некоторую односторонность суждений. Известно, что острие критики, исходившей от стригольников, было направлено против церковной организации и церковных порядков. Весь груз борьбы с еретиками лег на плечи

церковных структур. Эта борьба началась еще во время правления в Новгороде архиепископа Моисея (1352-1358 гг.). Такой церковный авторитет как митрополит Фотий писал в начале XV в. о возникновении ереси в Пскове, откуда ересь перебралась в Новгород. О том, насколько серьезно церковь отнеслась к этой ереси, говорит тот факт, что в 1383 году Константинопольский патриарх, направил в Новгород и Псков две увещательные грамоты против еретиков. В 1386 году Пермский епископ Стефан по просьбе Новгородского архиепископа пишет обличительно-полемический трактат против еретиков – «Мерило праведное».

Последнее летописное упоминание о ереси стригольников относится к 1429 году. Течение во многом открыло для духовенства новую функцию светской власти – необходимость защиты церкви от еретических нападков. Наиболее настойчиво об этой функции напоминал княжеской власти игумен Иосиф Волоцкий. Однако его обращение было вызвано активизацией уже нового еретического течения, возникшего в последней четверти XV в. – *ересью «жидовствующих»* или «*антитринитариев*».

Эта ересь была занесена в Новгород в 1470 году во время посещения города Киевским князем Александром Михайловичем Олельковичем. Как оказалось в последствие, это учение исповедовали в основном лица духовного звания. В 1479 году Иван III захватил Новгород и лично познакомился с этими священниками. Ему настолько понравились их богословские размышления, что он забрал их с собой в Москву и сделал священниками кремлевских соборов. Таким образом, ересь перекочевала в столицу, где тайно просуществовала еще семь лет. «Московскую ветвь» «жидовствующих» возглавил дьяк Посольского приказа Федор Васильевич Курицын. Кружок Курицына посещал и Иван III и его невестка Елена Волошанка. Кроме того, в кружок входили дьяки великого князя Истома и Сверчок, купец Семен Кленов и др. И снова власть не только не поддержала церковную инициативу против еретиков, но и на первых порах прикрывала их.

Борьбу с новой ересью возглавили Новгородский архиепископ Геннадий и Волоцкий игумен Иосиф. Письма от Геннадия к великому князю никакого эффекта не дали, так как ряд идей «жидовствующих» импонировал Ивану III и соответствовал его политическим взглядам.

Учение «жидовствующих» включало в себя элементы самых разнообразных ересей. Их «церковное крыло» было захвачено идеей о неотменности положений Ветхого Завета и представлением об Иисусе Христе как о пророке, а не о мессии. Однако не менее важной была и политическая сторона взглядов «жидовствующих». Возможно, именно на это учение опирался Иван III в своей политике конфискации монастырских земель (так, в 1500 г. земли Новгородской кафедры были розданы «детям боярским») и вмешательства во внутренние дела РПЦ. Лидер «жидовствующих» Федор Курицын в своем художественно-публицистическом произведении «Повесть о Дракуле-воеводе» предлагает совершенно иной образ власти, отличный от того, который рисовался в церковной литературе. Курицын создает образ носителя безграничной власти, уничтожающего своих врагов, ключевыми чертами которого являются одновременно и жесткость, и справедливость. Такие характеристики противоречили церковному образу «православного государя», для которого были характерны, прежде всего, не справедливость, а милосердие, доброта, а не жестокость.

Федор Курицын умер в 1497 году, а еретики вскоре лишились княжеской поддержки. В 1504 году все оставшиеся еретики были пойманы. Часть из них отправилась в пожизненное заключение и в монастыри. Лидеры еретиков были сожжены в деревянных клетках на льду Москвы-реки.

Несмотря на переход светской власти на официальную церковную точку зрения (постановлением Поместного собора 1505 г., было принято решение о неотчуждаемости церковных имуществ) вопросы, поставленные еретиками: о церковной нравственности, о монастырском и общецерковном имуществе, о стяжаниях церковного богатства, на долгое время сформировали поле противоречий между духовенством и княжеской властью. Отголоски

политических идей Федора Курицына проявили себя в политической культуре самого Ивана IV Грозного и его церковной политике, когда решением «Стоглавого» поместного собора в 1551 г. монастырская казна была поставлена под царский контроль, а постановлением Земского собора 1580 г. был введен запрет покупки земель монастырями, и тем самым были ограничены источники монастырского земельного фонда.

Контрольные вопросы по теме:

1. Каковы последствия монголо-татарского нашествия для русской церкви ?
2. В чем причины предоставления ханами золотой Орды широких налоговых и судебных льгот русской церкви ?
3. Как изменились взаимоотношения русских князей и предстоятелей церкви в связи с установлением монголо-татарского ига ?
4. В чем выразалось участие духовенства в борьбе с монголо-татарским игом ?
5. Какие формы принимало участие церкви в процессе объединения русских земель в единое Московское государство ?
6. Какие этапы развития прошли церковно-государственные отношения в XIV–XVI вв.?
7. В чем причины появления религиозных еретических движений в русских землях в XIV – XVI вв.? В чем их особенности?
8. Как политические стороны еретических учений повлияли на взаимоотношения церкви и государственной власти в конце XV – первой половине XVI вв.?

Рекомендуемая литература по теме:

1. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. / Л.В.Черепнин. – М., 1960.
2. Церковь общество и государство в феодальной России. Сб. ст. под ред. Клибанова А.И. – М., 1989.

3. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI –XVI вв.) / А.С. Хорошев. – М., 1986.
4. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. / Р.Г. Скрынников. – Новосибирск, 1991.
5. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII – XV вв. / Ю.В. Кривошеев. – СПб., 2003.
6. Вернадский Г.В. Монголы и Русь /Г.В. Вернадский. – М., 1997.
7. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV вв. / Н.С.Борисов – М., 1986.
8. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV-XVI вв. / А.Н. Казакова, Я.С. Лурье. – М. –Л., 1965.
9. Клибанов А.И. Реформационное движение в России в XIV – первой половине XVI вв. /А.И. Клибанов. – М., 1960.
10. Кучкин В.А. Русь под иггом: как это было ? / В.А. Кучкин. – М., 1991.
11. Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность / В.Л. Егоров. – М., 1990.

Тема III. Русская православная церковь и Московское государство

XVII столетия

I. Русская православная церковь и государственная власть в период Смуты (1598-1613 гг.)

Господствующей точкой зрения на характер церковно-государственных отношений начала XVII столетия в отечественной исторической литературе является мысль о «патриотическом служении» церкви государству. Эта точка зрения сложилась в дореволюционной историографии. Обнаружить ее можно и в современных работах, посвященных данному периоду отечественной истории.

Представления о хорошо налаженном механизме церковно-государственных отношений в период, непосредственно предшествовавший Смуте, содержатся в записках англичанина Дж. Флетчера, который свидетельствовал, что патриарх и высшие церковные иерархи систематически участвуют в заседаниях Совета при царе Федоре Ивановиче, и царь выслушивает их мнения раньше мнения бояр. Тот же принцип ведения государственных дел упомянут в ответе русского посольства к польскому королю Сигизмунду III в 1610 г.: «Изначала у нас в русском государстве так велось: если великие государственные или земские дела начнутся, то государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов, архиепископов и с ними советовались. Без их совета ничего не приговаривали».

Политику солидарности с легитимной царской властью проводили все три патриарха эпохи Смутного времени: Иов, Игнатий и Гермоген.

В отечественной исторической мысли является устоявшимся представлением о патриархе Иове как о верном слуге царей Федора Ивановича и Бориса Годунова. Благодаря последнему он фактически получил патриарший титул. В свою очередь, патриарх Иов сыграл не последнюю роль в избрании Бориса Годунова на царство, оказывал ему всемерную идеологическую поддержку во время борьбы с Лжедмитрием I. В своих обличительных окружных посланиях против Лжедмитрия I, обращенных к армии и

дворянскому ополчению, Иов апеллирует к православному самосознанию адресатов, воспринимающему законность государственной власти через ее приверженность к православию и переносит это ключевое качество власти на Бориса Годунова.

Абсолютно к тем же приемам прибегает в последствии другой патриарх – Гермоген в своих окружных посланиях против Ивана Болотникова и Лжедмитрия II, перенося легитимные свойства на нового «выборного» царя Василия Ивановича Шуйского.

Не противоречат этой традиции и действия *патриарха Игнатия*, подержавшего Лжедмитрия I. Летом 1605 г. законное положение Лжедмитрия I признал не только Рязанский архиепископ Игнатий – будущий патриарх, но и весь Священный собор, Боярская дума и население. Такое положение новый царь сохранял до тех пор, пока общественно-политическое сознание идентифицировало его как «православного государя», а его действия не выходили за рамки устоявшейся модели поведения.

Еще более четко духовные мотивы поддержки предстоятелями церкви русских царей начала XVII века прослеживаются в поведении Ростовского митрополита Филарета (Романова). Филарет, как и патриарх Игнатий, подержал Лжедмитрия I. Однако, если патриарх Игнатий в последствии поддержал поляков и тем самым тоже утратил в глазах духовенства свою легитимность, то Филарет активно выступил против них как иноверцев.

Теми же мотивами были продиктованы действия *патриарха Гермогена*, соглашавшегося признать права польского королевича Владислава на московский престол только при условии принятия им православной веры.

Таким образом, в период Смуты епископат подержал Лжедмитрия I и оказал активное неповиновение Лжедмитрию II именно по религиозным мотивам. Подчиняясь любой силе, претендующей на власть, при условии, что она признает себя и действует как православная, церковь в начале XVII века занимала «оборонческую» патриотическую позицию в отношении тех внешних сил, чьи претензии на власть облекались в иноверческие формы. Не случайно

поэтому именно церковь инициировала патриотический подъем против Лжедмитрия II и польских интервентов. В чем собственно и заключалось «церковно-государственное служение».

II. Церковная политика первых Романовых

XVII век – время начала культурной секуляризации. В этот период иконопись как жанр застывает в своих традиционных формах, увеличивается доля светских произведений в литературе, архитектура все более принимает гражданские формы, царский двор напоминает причудливую смесь европейских и исконно русских традиций в быту, одежде, развлечениях. Уменьшается и роль церкви в политических событиях, усиливается государственный контроль над ней.

Начало XVII в. русская православная церковь встретила, сохраняя мощную организацию, серьезную материальную базу, высокое международное положение (с 1589 г. РПЦ обладала статусом патриаршей). На общую массу населения, которое к концу XVI – началу XVII вв. составляло около 7 млн человек, приходилось примерно 100 тыс. лиц духовного сословия. К концу XVI века на территории России имелось 627 мужских и 144 женских монастыря. Интересы церкви охранялись законом. Первая глава «Соборного Уложения» 1649 г. была посвящена вопросам ее защиты со стороны государства.

Однако то же «Соборное Уложение» устанавливало повышенные сборы с церковных имений, создавало государственный, светский по своему характеру *Монастырский приказ*. В его юрисдикцию передавались все люди церковного ведомства, если их судили по гражданским делам. Хотя РПЦ в последствии удалось отобрать эти полномочия и добиться упразднения Приказа в 1676 году, государство продолжило наступать на церковные позиции.

Таким новым шагом стала попытка светской власти добиться *раздробления епархий*. Поводом к этому было в целом формальное стремление привести структуру епархий в соответствие с греческим образцом (хотя такая новая

структура не существовала в конце XVII в. уже и в самой Греции). В ее основе лежал принцип иерархического соподчинения младших епископий старшим. Для этого необходимо было создать младшие епархии (территориально меньшие чем старшие). Такой проект естественно предполагал дробление епархии и сулил уменьшение доходов епископату. Проект обсуждался на Соборе 1682 года и предполагал разбивку 11 русских епархий на 72 епископии, объединяемые в несколько митрополичьих округов. Собор же просто спустил этот проект «на тормозах», сокращая число епархий сначала 72 до 34, затем до 22, затем до 14, а потом вообще отказался от принципа старейшинства одних епархий над другими. В итоге было открыто только 4 новые епархии: Устюжская, Холмогорская, Тамбовская и Воронежская. В конце XVII в. из архиепископий в митрополии была переведена Нижегородская епархия.

К концу XVII в. сократилось и *личное влияние патриархов на царскую власть*.

В первой половине XVII в. огромный политический вес и значительное влияние на первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича, имел его отец – *патриарх Филарет* (1619 – 1634 гг.). Его особое положение отразилось в официальном титуле. Филарету как отцу царя был дан светский титул «Великого Государя», означавший предоставление ему прав «соучастия в актах высшей государственной власти». Все прошения подавались одновременно и на имя царя, и на имя патриарха. Государственные бумаги также подписывались от лица обоих правителей. Доклады о текущих государственных делах выслушивались ими совместно.

Однако в отношении следующего патриарха – *Иоасафа I* (1634 – 1640 гг.) титул «Великий Государь» не прилагался. По описаниям современника новый патриарх «... во нравах же и житии добродетелен был, а ко царю недерзновенен». Патриарх стал именоваться просто «Великий Господин». В царских документах рядом с именем царя уже не стояло имя патриарха, в ряде царских распоряжений относительно церкви последний даже не упоминался, хотя периодически царь обращался за советом к патриарху и по чисто

государственным делам. Но сам Иоасаф «подчеркнуто уклонялся от вмешательства в эти дела», отделяя церковную сферу жизни от государственной.

Колоссальным доверием царя Алексея Михайловича обладал его «собенный друг» – *патриарх Никон* (1652–1658 гг.). Никон, также как в свое время Филарет, получил титул «Великого Государя». Патриарх возглавлял управление столицей, контролировал Боярскую Думу в периоды отсутствия царя в Москве. Однако идея Никона о превосходстве «священства» над «царством» привела его к отстранению от патриаршей власти в 1658 году. Никон ставил «священство» вышнее «царства» «в силу превосходства его задач и правомочий при сравнении двух величин». Вопрос о соотношении церкви и государства, открыто поставленный Никоном, стал предметом обсуждения на «Освещенном» соборе 1667 г. В конфликте с Никоном вскрылось, в свою очередь, стремление светской власти подчинить себе все сферы жизни церкви. Привлекая авторитет восточных патриархов, царь опроверг на соборе церковно-политическую формулу Никона, предложив в замен обратную противоположную: «Царя убо быти совершенна Господа и единого быти законодавца всех дел гражданских. Патриарха же быти послушлива царю, яко поставленному на высочайшем достоинстве и отмстителю Божию». Такая трактовка вопроса вызвала упорное сопротивление архиереев на соборе. В итоге прений его участники 24 января 1667 г. пришли к следующему соглашению: «Да будет признано заключение, что царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх – церковных, дабы таким образом сохранилась целой и непоколебимой во век стройность церковного учреждения». Признание этой формулой независимости внутренней жизни и управления церкви имело как для последней, так и для светской власти практические последствия. Атака государства на церковь была успешно отбита. Но это была последняя победа РПЦ.

Плоды этой победы пожинал патриарх *Иоаким* (1674–1690 гг.). В соответствии с решением собора он принял ряд мер по упразднению

Монастырского приказа, издал указ о том, чтобы церковную дань с духовенства собирали сами поповские старосты. Патриарх пытался ускорить реализацию решения о полной неподсудности духовенства светским властям, об устранении государственных чинов из аппарата управления приходским духовенством. Однако отменить повышенные сборы с церковных имений, введенные в 1649 г., патриарху не удалось. Здесь он натолкнулся на упорное сопротивление правительства.

Последний патриарх XVII в. *Адриан* (1690–1700 гг.) был фактически исключен из политической жизни страны.

Уступки, сделанные государством церкви на соборе 1667 года, трактовались одним из крупнейших церковных историков первой половины XX века, профессором Богословского института в Париже А.В. Карташевым как непоследовательность государства, на которую оно пошло «ради мира с церковью». «Непоследовательность» эта заключалась с точки зрения историка в том, что государство уступало устаревшим ретроградным требованиям церкви, тем самым сохраняя за ней возможность оставаться «неким двойником государственного организма своеобразным удельным государством, пережитком системы, уже упраздненной объединением Московского государства». Профессор Карташев не разделял марксистских установок в исторических исследованиях. Однако несложно заметить сходство его выводов с оценками советских историков церковно-политической ситуации в Московском государстве. Здесь их общим основанием было понимание характера церковно-государственных отношений, прежде всего, как проблемы политической истории России. Вместе с тем русская православная церковь в XVII веке являлась значительным элементом социальной организации общества, к тому же оказавшимся фактически последней социальной, сословной структурой, чье подчинение государству затянулось на более длительный срок, чем подчинение остальных общественных элементов. Только сохраняя остатки социальной независимости, церковь, духовенство в XVII веке удерживали за собой важнейший исконный инструмент политического влияния

на государство – право моральной оценки его действий. Все еще обладая влиянием на общественное сознание, церковь как социальный институт превращала это право в функцию общественного мнения или в ее подобие. Церковная реформа Петра I сняла последние политические, административные заслонки между церковью и государством и уничтожила социальный иммунитет духовенства. Сфера моральной оценки государства стала лишь прерогативой самого государства. Социальная же ипостась церкви никуда не исчезла. Церковь как социальная организация продолжала оставаться структурой, обладавшей в той или иной степени духовной связью с остальными слоями российского общества. Кардинально изменился сам характер церковно-государственных отношений.

III. *Государство и церковный раскол*

В XVII в. инициатива преобразования церковной жизни все больше переходит в руки государства. Так, именно царь Алексей Михайлович выступал одним из самых рьяных инициаторов никонианской реформы церкви, вынашивая план практической реализации идеи, являющейся когда-то частью византийской государственной идеологии. Суть идеи заключалась в том, что власть императора распространяется по всей территории, где было принято православие. Унификацию русских обрядов в соответствии с греческими царь считал одним из шагов в этом направлении.

Правительство Алексея Михайловича способствовала развитию такой внутрицерковной тенденции, как открытие духовных школ в России, выписывало для этого учителей из Греции и Украины. *Патриарх Иосиф* (1642– 1652 гг.) оказался достаточно инертен в осуществлении этих дел. В 50-е годы XVII века в Чудовом монастыре в Москве создается греко-латинская школа под руководством выпускника Киевской духовной академии Епифания Славинецкого. Параллельно с этим в Заиконоспасском монастыре другой выпускник Академии Симеон Полоцкий создает другую подобную школу. Все они обращаются с призывами к царю ускорить увеличение числа школ и

учителей, даже несмотря на то что само обучение у греков и киевлян многими воспринималась как ересь.

Борьба с церковным расколом, образовавшимся в результате реформ, также легла на плечи государства. Розыском раскольников стали заниматься государственные чиновники и воеводы, специальные стрелецкие команды. Государственные структуры осуществляли и так называемые «градские казни» над старообрядцами. В 1685 году был издан закон, запрещающий раскол на территории государства. В качестве наказания для наиболее упорных старообрядцев он предусматривал смертную казнь – сожжение в срубе, а также телесные наказания, конфискацию имущества, ссылки и штрафы.

Собор 1667 года почти на целое столетие привил РПЦ и государству взгляд на старообрядцев как на еретиков и predetermined подобные методы борьбы с ними. Только в конце XVIII века грамота «О единоверии» Московского митрополита Платона (Левшина) изменила ситуацию, смягчив формы государственного преследования старообрядцев.

Контрольные вопросы по теме:

1. В чем заключались особенности взаимоотношений между представителями высшей церковной иерархии и государственной властью в конце XVI – начале XVII вв.? На каких принципах они строились?
2. Как вы понимаете выражение: «церковно-государственное служение» русской церкви в период Смутного времени? В чем заключалось это «служение»?
3. Какие факторы в XVII столетии повлияли на изменения отношений между церковью и государством?
4. В чем выражалось усиление государственного контроля над церковью? Что предпринимала церковь, чтобы освободиться от государственного давления? Каковы результаты ее действий?
5. Какую роль в расколе РПЦ сыграло государство? Какие формы принимало государственное преследование старообрядцев в XVII веке?

Рекомендуемая литература по теме:

1. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. / А.В. Карташев. – М., 1993.
2. Борисов Н.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII-XVII вв. / Н.С.Борисов. – М., 1988.
3. Скрынников Р.Г. Святители и власти (XIV – XVII вв.) / Р.Г. Скрынников. – Л., 1990.
4. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории./ С.Ф. Платонов. – Петрозаводск, 1996.
5. Кретов А.В. Роль русской православной церкви в освободительном движении в эпоху Смутного времени начала XVII в.: Автореф. дисс...канд. ист. наук /А.В. Кретов – Н. Новгород, 2000.

Тема IV. Русская православная церковь и государство в период Империи или Синодальный

I. Церковная реформа Петра I

Изменение церковно-государственных отношений в начале XVIII века происходило на фоне обмирщения общественного сознания, правосознания эпохи. Последний патриарх XVII века так характеризовал этот процесс: «...московские люди и знатные, и простые, от злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков ... объюродили...».

Петр I был увлечен протестантизмом и, в частности, его идеей королевского возглавления национальных церквей. Процесс обмирщения коснулся правосознания самого царя. Петр I считал, что конечной целью государства является общественное благо, общая польза, ценность и качество которой может оценивать только монарх. Таким образом, церковная цель «воцерквления» общества и государства уступала место светской «народной пользе», а область суждений о ней составляла монополию главы государства. Он сам решает, что для народа полезно, а что вредно. Его же действия не может оценивать никто.

Такая идеология отводила церкви роль «винтика» в государственной машине, ее главным свойством становилось участие в работе аппарата государственного управления. Надобность в отдельном главе РПЦ просто отпадала. По свидетельству денщика Петра I, царь часто говорил «я сам и государь, и патриарх».

Особенности понимания царем церковно-государственных отношений легли в основу *церковной реформы*. Церковной историографией эта реформа оценивалась как неканоническая, т.к. противоречила православным канонам и не имела примеров в истории Восточных христианских церквей.

Образцы будущей реформы Петр мог обнаружить в коллегиальной форме церковного управления протестантских общин Немецкой слободы, а затем в

беседах с англиканскими архиепископами Кентерберийским и Йоркским во время своего пребывания в Англии.

Реализация реформы, прежде всего, легла на плечи новгородского архиепископа Феофана Прокоповича – человека западной образованности и высокой богословской эрудиции, яркого поборника протестантизма и полностью солидарного Петру.

Реформа носила чисто протестантский характер. Суть ее сводилась к тому, что был отменен принцип единоначалия в церкви, упразднена должность патриарха и фактически ликвидирован внутренний орган церковного управления – Поместный собор. Вместо патриаршей системы управления вводилась синодальная. В результате реформы 1719–1721 гг. административное управление церковью было возложено на коллегиальный государственный орган – Духовную коллегию или Святейший Синод. Подотчетен Синод был непосредственно императору, который издавал прямые приказы Духовной коллегии и иногда сам вел ее заседания. «Оком государя» в Синоде был обер-прокурор, назначавшийся из светских лиц.

Назначение Синодом архиереев в епархии осуществлялось под контролем императора. Синод предлагал несколько кандидатов, а Петр делал выбор. Выбор Синодом игуменов и архимандритов в монастыри осуществлялся самостоятельно. В самих епархиях при архиереях были учреждены консистории – советы с судебными-административными функциями. Консистории были обязаны ежемесячно через епархиальных владык докладывать в Синод о состоянии дел в епархии. В свою очередь, Синод отчитывался перед императором напрямую или через обер-прокурора.

В системе государственных органов власти Синод стоял выше всех петровских коллегий и был фактически равен Сенату. Об их формальном равенстве говорит характер официальных сношений между этими учреждениями: через так называемые «сообщения к сведению», а не через «указы».

Каждый член Синода, как любой государственный служащий, читал присягу на верность государю при вступлении в должность (отменена она была только в 1901 г.).

Ключевым вопросом в церковно-государственных отношениях в это время продолжал оставаться *вопрос о церковном землевладении*. Уже в 1700 г. все монастырские земли были переданы в руки государства. Вместо доходов с недвижимых имуществ государство предоставляло оклады на содержание церковных должностей. С окончательной передачей церковных земель государству в 1764 г. все церковные должности обеспечивались государственным окладом, как и чиновничьи. Однако место и значение церкви как составной части государственного организма самой светской властью было осознано не сразу.

II. *Церковная политика преемников Петра I (1725 – 1801 гг.)*

Реформой Петра I русская православная церковь включалась в систему государственного управления, одной из центральных черт которой после смерти императора являлся кризис самой императорской власти. В XVIII веке на престоле перебивала целая вереница государей, политический портрет которых похож в главном – они не обладали в достаточной степени качествами государственных деятелей. В результате между ними и созданной петровской системой управления возникали «буферные» «советы», «кабинеты» и «конференции», аристократические по составу и неограниченные по компетенции, они обладали всей фактической полнотой высшей государственной власти в России. Их появление разрывало линию прямых связей «священства» и «царства», которая ценилась церковью уже не как обязательное условие равноправных церковно-государственных отношений, а как государственная привилегия, обеспечивавшая особое значение «церковного ведомства» среди других органов власти.

Щекотливое *положение Синода в системе управления* при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне, по выражению А.В. Карташева, заключалось в том,

что он «оказывался зависимым, если не возглавляемым не непосредственно от миропомазанной, т.е. сакральной власти церковного эпископонарха, но от посредствующей коллегии, не только не миропомазанной, но и не полностью православной, ибо в Верховный Тайный Совет входила и протестантская фигура барона Остермана». Члены этого Совета назначали, не ссылаясь на царскую власть, «и членов Синода, и епархиальных архиереев и архимандритов старейших монастырей».

Подковерная борьба в Верховном Тайном Совете приводила к занятию ключевых позиций в нем то одних группировок, то других или даже отдельных его представителей. Это ставило Синод в зависимое положение от конкретных «временщиков». Так, захвативший при Петре II власть в Совете, князь фельдмаршал А.Д. Меншиков практиковал личные отчеты членов Синода перед собой.

В период правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) Синод наряду с Сенатом и всеми коллегиями был поставлен в подчиненное положение перед специальным «Кабинетом» министров, образованным в 1731 г. Особой инструкцией Духовная коллегия, как и все остальные органы власти, была обязана подавать в кабинет ежемесячные рапорты о своей деятельности. В 1735 г. был издан закон, по которому все постановления, подписанные тремя «кабинет-министрами», получали силу именных высочайших указов. В большинстве случаев эти указы Синоду исходили только от кабинета министров без ссылок на императорскую власть. Кабинет министров, постоянно подозревавший Синод в стремлении выйти из-под государственного контроля, грубо нарушал его полномочия, прописанные в регламенте этого учреждения. В обход Синода «Кабинетом» иногда назначались на свои должности даже низшие клирики.

В это время засилье иностранцев, к тому же инославных, в системе управления не могло не быть своеобразным раздражителем для православных иерархов. Уже в период царствования Елизаветы Петровны (1741 – 1761 гг.), получив возможность безбоязненно высказаться о предыдущем правлении, они

откровенно говорили о не православном характере этой власти. Так, ректор Московской Духовной академии Кирилл Флоринский говорил: «Доселе дремахом, а ныне увидехом, что Остерман и Миних с своим сонмищем влезли в Россию яко эмисарии дьявольские имже, попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася. Сия бо им обетова сатана, да под видом министерства и верного служения государству Российскому, еже первейшее и дрожайшее всего в России, правоверие и благочестие не точию превратят, но и до корня истребят».

Однако в предшествующий этим словам период «Миниха и Остермана» православный епископат не решился обратиться к обмирщенному общественному сознанию с подобными мыслями. И хотя епископы в это время сложились в дружную оппозицию главному выразителю официальных правительственных настроений в Синоде – архиепископу Феофану Прокоповичу, ее действия легко подавлялись этим новгородским архиереем в самом зародыше. Инициированная в 1730-е гг. Феофаном Прокоповичем серия архиепископских процессов с привлечением сил Тайной канцелярии и Сената свела на нет любые возможности выступлений церковных оппозиционеров.

Феофан Прокопович не получил практической поддержки в церковных кругах и действовал, опираясь на «онемеченное» правительство. Тем не менее именно он вышел победителем в этой борьбе. Для него, отстаивавшего принцип государственной церкви, инославный облик верховной власти в этом глухом противостоянии имел вторичное значение, а ссылки на этот облик означали необоснованное стремление к церковному партикуляризму. Принципы Петровской реформы церкви прошли проверку на прочность.

Благоприятный период в положении Синода как государственного органа власти наступил в период правления Елизаветы Петровны. Этому способствовало «религиозное настроение» самой императрицы. Никаких препон между ней, заинтересованной церковными делами, и Синодом не было. Расположением императрицы воспользовались Ростовский митрополит Арсений (Мациевич) и митрополит Новгородский Амвросий (Юшкевич). В

1742 г. они подали «на высочайшее имя» доклад о необходимости упразднения синодальной формы высшего церковного управления. Императрица оставила его без последствий для авторов.

Снова позиция Ростовского митрополита относительно соотношения церковной и государственной власти проявилась в период завершения процесса секуляризации церковных земель при Екатерине II в 1762 – 1764 гг. Его негативное отношение к передаче церковных земель государству отразилось в двух «доношениях» Синоду. Императрица обнаружила за этими мыслями принципиальное несогласие автора с существующим порядком церковно-государственных отношений. «Фанатик» Арсений Мациевич умер в заключении, куда был отправлен по приказу Екатерины II. Его выступление не было поддержано иерархией. Новая волна епископата, к которой не принадлежал опальный Ростовский митрополит, инициированная указом Елизаветы Петровны от 1754 г. (Указ требовал принимать в архиереи и архимандриты лиц не только малороссийского, но и великорусского происхождения) и поддержанная Екатериной II, не видела ничего необычного в положении церкви как элемента государственного управления. В это время «ни армия, ни чиновничество не оценивались как силы поработанные государством. Наоборот, в жаловании рисовалась их привилегия. Архиереи ... усвоили эту «штатность» обеспечения церкви....».

Вопрос о практической государственной пользе духовенства был открыто поднят при Екатерине II (1762 – 1796 гг.). Так, например, он четко «проглядывает» через известные «Пункты», предъявленные обер-прокурором Синода И.И. Мелиссино Духовной коллегии накануне открытия Уложенной комиссии. Сама императрица подходила к этому вопросу во всеоружии просветительской идеологии. Называя себя «блюстительницей церкви святой», она находилась на позициях «антиклерикализма» и государственного «рационалистического утилитаризма». Именно в этом ключе трактуются Екатериной II важнейшие социальные задачи церкви. В теории екатерининского просвещенного абсолютизма нашлось место исконной

церковно-социальной функции – православного «окормления», «воцерквления» общества. Эта «задача» легко была переработана Екатериной в государственно-просветительском духе. Императрица нашла этой функции государственное применение. Уже в начале своего царствования она говорит о том, что необходимо держаться «правил разума, не руководить себя предрассудками, уважать веру, но никак не давать ей влияния на государственные дела, изгонять ...все, что отзывается фанатизмом и извлекать по возможности пользу из всякого положения». В 1762 году она пишет: «Простой народ невежествен и должен быть просвещаем в духе веры и христианского благочестия... но к прискорбию оказывается, что многие священники не только не ведают истинного пути к просвещению народному, но и, будучи часто малограмотны, нередко простому народу служат собственным примером к повреждению. Правда сорок лет назад император Петр I в духовном регламенте указал правила, которые бы в простом народе учреждением благоразумно воспитанных и обученных священников прямой путь к исправлению нравов открывали. Но с соболезованием усмотрено с высоты трона, что народ в том же еще пребывает заблуждении». В этих словах Екатерины II «государственный заказ» церкви и поле ее деятельности обозначены достаточно четко.

Реализации этих функций духовенства должны были способствовать преобразования духовной школы в России, начатые еще при Петре I. Введенный Духовным Регламентом и особым постановлением от 1723 года образовательный ценз для занятия церковных должностей, перевод всего духовенства сверху донизу в результате земельной секуляризации на государственный оклад, переход к концу XVIII века на принцип административной назначаемости на вакантные церковные должности – все это превращало заботу духовенства о моральном облике общества в профессионально-сословную обязанность, предписанную государством, а самих ее исполнителей – в чиновников с определенным штатом (ревизия штатов духовенства проводилась государством периодически) и жалованием. В

довершении всего Именной указ от 1797 г. предписывал воспитывать в семинаристах строгую «государственную лояльность», а принцип политической благонадежности стал важным критерием отбора претендентов на духовные должности.

Логическую точку в процессе «огосударствления» церкви в XVIII столетии поставил Павел I (1796 – 1801 гг.), официально объявивший себя в 1797 году в Указе о престолонаследии ее главой и начавший выдавать государственные ордена лицам духовного звания.

Важным направлением церковной политики государства в XVIII веке был затянувшийся *процесс секуляризации монастырских земель*. Он был естественным следствием новой системы церковно-государственных отношений.

Сразу после смерти патриарха Адриана Петр I отнял церковные вотчины в государственную казну, назначив вместо них на церковное содержание государственные оклады. Однако вскоре выяснилось, что руководство этими вотчинами казенных управляющих является низкоэффективным. В итоге царским указом от 1720 г. управлявший ими Монастырский приказ был закрыт, а монастырские земли были переданы в управление прежним монастырям на условии своевременной выплаты государственных налогов. Монастырская администрация оказалась в роли управляющей своих бывших владельческих земель. Общий контроль над эксплуатацией земель вскоре был передан в руки Синода.

На новом этапе секуляризации в 1726 г. управление недвижимым имуществом отделялось от архиерейской части Синода и предавалось светской части бюрократии, лишь формально связанной с Духовной коллегией. Для этого весь аппарат синодального ведомства был разделен на два департамента. Первому департаменту, состоявшему из архиереев, поручалось управление духовными делами православной церкви. Второй департамент Священного Синода состоял только из светских чиновников. Он занимался

административными, хозяйственными и судебными вопросами церковных вотчин, отвечая за них перед Сенатом.

При Анне Иоанновне этот второй департамент был переименован в Коллегию Экономии Синодального правления. В 1738 г. Коллегия Экономии была просто изъята из ведения Синода и передана Сенату. В результате этого шага Синод лишился всех источников материального обеспечения, оставшись только на голом государственном окладе. Синод, которого безусловно не устраивало такое положение дел, уже в период царствования Елизаветы Петровны сумел настоять на возвращении церковных недвижимых имуществ в собственное ведение.

Однако передачи вопроса о церковных имуществвах из рук в руки не привели к повышению их доходности. Ни государственное, ни церковное управление, сопровождавшееся укрывательством епархиальных доходов, не оправдали себя в газах государства.

Сигнал к окончательному переходу церковных недвижимых имуществ в светские руки был дан именным указом императрицы Елизаветы Петровны в 1757 г. Мотивы такого шага были обозначены самой императрицей: духовые лица «не имея власти употреблять свои доходы иначе, как только на положенные штатом расходы суетное себе делают затруднение управлением вотчин». Но передача функций управления отставным офицерам вызвала сопротивление Синода и затянулась на несколько лет. Окончательное его завершение произошло в 1764 г. при Екатерине II. Манифестом от 26 февраля 1764 г. церковные земли вместе с населением передавались в управление Коллегии Экономии. Крестьянское население этих земель получило название «экономических крестьян».

В отечественной литературе господствующей точкой зрения на Синодальный период отношений государства и церкви является представление о нем как о времени существенного ограничения свободы церкви, которая становится как бы «служанкой государства». Однако исследователи отмечают, что положение церкви как «государственного учреждения» имело и свои

плюсы. Синодальный период – это время развития богословских знаний, церковной культуры и религиозной философии. На этом этапе наблюдался рост церковной организации, представлявшей собой внушительный организм. В целом Синодальный период – закономерный этап в развитии церковно-государственных отношений.

III. Церковь и государство в XIX – начале XX вв.

В отношениях РПЦ и высшей государственной власти при Александре I (1801–1825 гг.) рельефно проявилась *религиозная ситуация первой четверти XIX века*. В XIX век русская православная церковь вошла вместе с императором Павлом I, который отличался благожелательным отношением к духовенству. Он удвоил ассигнования на церковь, удвоил и размеры земельных участков для архиерейских домов. Освободил священников и дьяконов от телесных наказаний (до лишения их сана). Особым указом выделил в отдельное ведомство военное духовенство. Почтение к церкви воспитывалось в императоре с детства. Его воспитанием занимался иеромонах, а затем Московский митрополит Платон (Левшин). Однако религиозность императора носила некий внеконфессиональный характер. Так, Павел I предлагал папе Римскому переселиться в Россию, оказывал содействие устройению в России иезуитского ордена, организовал в здании Пажеского корпуса римско-католическую капеллу.

Распространявшаяся в высших и наиболее образованных кругах общества в это время идея внеконфессиональной христианской религии и религиозной терпимости, увлечение мистицизмом привели к тому, что церковность стала восприниматься как внутреннее состояние души. Обрядовая же сторона и культовая жизнь церкви начинает пониматься как пиетизм – ложное, наносное благочестие, свойственное некультурному большинству.

В условиях, когда религиозность понималась как приверженность некой сумме общехристианских идей, в России начинают распространяться различные секты – западные и доморощенные. Распространению различных

религиозных течений способствовали и сами власти. Так, например, ставший в 1803 г. обер-прокурором Синода князь А.Н. Голицын был приверженцем идеи «универсального внутреннего христианства», интересовался характерными для сект духовными «обращениями» и «пробуждениями». Идеи «христианского универсализма» долгое время разделял и Александр I.

Огромным в обществе было увлечение масонством, которое пренебрегало христианской обрядностью, создавая свою мистическую ритуальность. Масонство в это время – система организаций просветительского характера, выражавшая общехристианские идеи, стремившаяся стереть различия между христианскими церквями.

В XVIII веке в масонские ложи входили и некоторые представители православного духовенства. Однако в XIX столетии пути масонства и русской православной церкви расходятся. Церковь боролась с наличием масонов в духовных учреждениях и добилась официального запрещения этой организации в 1822 г.

Еще раньше, стараниями церкви была закрыта богословская академия иезуитов в Полоцке. В 1815 г. они были изгнаны из Петербурга. Официального запрещения деятельности иезуитов в России церковь добилась в 1820 г.

Идеи «христианского универсализма», способствовавшие развитию определенного разнообразия религиозных течений, стали своеобразной демаркационной линией борьбы между ортодоксально православным духовенством, членами Синода и обер-прокурором А.Н. Голицыным, пытавшимся через Синод реализовать свою религиозную программу.

Его первоначальному успеху способствовали настроения императора и доверительное отношение к нему последнего. Укрепляли его позиции и *организационные изменения в церковном управлении* при Александре I.

В 1803 г. в ходе министерской реформы было реформировано и церковное управление. В результате кардинально изменилась роль обер-прокурора в Синоде. В XVIII веке он выполнял лишь контрольные функции, причем круг его полномочий не был четко определен, а степень влияния на синодальные

дела зависела от благорасположения государя. После реформы 1803 г. обер-прокурор стал управляющим Синода на правах министра, таким образом превратившись в единственного представителя государства по отношению к церкви.

В этом новом для себя качестве князь А.Н. Голицын направил свою энергию на усиление духовных начал (как он их понимал) в системе образования России. С этой целью управление церковью и образованием было объединено в 1817 г. в одно Министерство духовных дел и народного просвещения.

Однако реформа не принесла положительных результатов. Деятельность А.Н. Голицына встретила стойкое сопротивление синодальных архиереев, добившихся в 1824 г. его отставки и разделения министерства. В целом противостояние Голицына и Синода не выходило за рамки церковно-государственных отношений, сложившихся веком ранее.

При Николае I (1825–1855 гг.) в общем русле бюрократическо-централизаторской политики происходит и усиление государственного нажима на церковное управление. Наиболее жесткую политику в отношении церковной организации проводил обер-прокурор граф Н.А. Протасов. При нем завершается реформа церковного управления на местах, лишившая архиереев деспотической власти в епархиях. В ходе реформы заканчивается создание на местах консисторских канцелярий, подчинявшихся напрямую обер-прокурору и нередко игнорировавших интересы епархиального архиерея.

Канцелярский дух и бюрократический характер церковного управления отразился при этом обер-прокуроре в наименовании русской православной церкви «ведомством православного вероисповедания». В период обер-прокуратуры Н.А. Протасова и до самого конца синодального периода (до 1917 г.) в Святейший Синод назначались почти всегда те епископы, которые устраивали обер-прокурора. В этот же период канцелярия обер-прокурора начала оттеснять на задний план синодальную канцелярию. Все проекты основных решений составлялись в канцелярии обер-прокурора, там же

готовились документы для заседаний Святейшего Синода. Хотя круг вопросов в ведении обер-прокуратуры ограничивался административным управлением и не распространялся на сферу вероисповедания и церковного права, все «законодательные акты Святейшего Синода исходили от государственной власти либо непосредственно как указы императора, либо как указы Святейшего Синода, изданные «по указу Его Императорского Величества»». Таким образом, высший орган церковного управления не обладал «законодательной автономией», разработка законодательных актов и постановлений в Святейшем Синоде часто инициировалась государственной властью. Ряд государственных постановлений, касающихся церкви принимался без согласования с Синодом. Так, в 1832 г. Свод законов Российской империи был разработан и опубликован без участия Синода, даже относительно тех статей, которые касались православного духовенства.

Церковное руководство Синода при Николае I не оказывало политике обер-прокурора никакого сопротивления, не поднимало вопросов о церковной независимости. Позиция митрополита Филарета Дроздова, обладавшего непререкаемым авторитетом в Синоде, также не способствовала обсуждению данной проблемы. Митрополит «не был против служебного положения Церкви внутри государственного целого». Выступая лишь за большую степень автономии, он не видел необходимости в восстановлении патриаршества, а идею созыва поместного собора считал необходимым осуществлять крайне осторожно и продумано.

В атмосфере общественного оживления конца 50-х – 60-х гг. XIX века идея церковной независимости получила новый импульс. В журналах духовных и светских активно обсуждалась проблема соотношения общества и церкви, социального служения духовенства – функции, подавляемой «государственной машиной». Раздавались критические голоса в адрес существующего положения церковно-государственных отношений как в среде приходского духовенства, так и среди представителей епископата. Общественная активность духовенства проявилась и в практике епархиальных съездов в 70-е гг. XIX века. Такие

съезды церковным миром воспринимались как начало возрождения «соборности».

Однако существенных изменений такая активность в характер отношений между церковью и государством не привнесла. Консервативная синодальная иерархия не выступала в это время с реформистскими проектами в этой сфере отношений. Реформы церковного организма в этот период исходили исключительно от государственной власти. Наиболее существенной из них была реформа духовного образования, осуществленная под руководством обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого.

Значительно отразилась на церковной организации реформа среднего звена духовной образовательной структуры – семинарий, преобразования которых происходили в 1869 г. В результате реформы ученикам семинарий было разрешено поступать в университеты. Это в свою очередь значительно увеличило приток в данные средние учебные заведения молодых людей, не собиравшихся затем получать сан. С другой стороны, много бывших семинаристов ушло в университеты. В результате обнаружилась нехватка квалифицированных кадров духовенства. Поэтому уже в 1879 г. был введен запрет для семинаристов на поступление в университеты. Детям же не из священнических семей было запрещено поступать в семинарии. В результате элемент добровольности в обучении был утрачен. В семинарии шли из-за отсутствия выбора, т.к. денег на альтернативное обучение часто не хватало. Как следствие у семинаристов развивался формализм, многие из них были атеистами. Средние духовные учебные заведения начали поставлять кадры для будущих революций.

Усиление надзора за церковью со стороны правительства произошло в период правления Александра III (1881–1894 гг.). В это время обер-прокурором Синода являлся К.П. Победоносцев (1883–1906 гг.). Теперь, в соответствии с общей «охранительной» тенденцией, происходило сокращение самоуправления педагогических корпораций семинарий и духовных академий, была отменена

ежегодность епархиальных съездов (теперь они созывались по желанию архиерея).

В конце обер-прокурорского правления К.П. Победоносцева в прямой связи с решением правительства предложить закон о религиозной веротерпимости, предоставлявшей свободу действий различным церквям на территории государства, с еще большей остротой встал вопрос и об освобождении РПЦ от государственного контроля и от выполнения государственных функций. До этого момента (до 17 апреля 1905 г.) только православное духовенство на территории Российской империи могло осуществлять миссионерскую деятельность. Инославные церкви в соответствии с положениями Свода основных законов Российской империи от 1832 г. не имели права на деятельность подобного рода. Для них разрешалось только отправление богослужения. Закон от 17 апреля 1905 г. развязывал руки в этой сфере различным религиозным конфессиям, Православная же инициатива, в том числе проповедническая деятельность русской православной церкви, оставалась скованной «государственными узами».

Такое положение не устраивало православную иерархию. В упорной борьбе с собственным обер-прокурором Священный Синод в 1905 г. сумел инициировать опрос епархиальных архиереев на предмет необходимости и содержания церковной реформы. В своих отзывах епархиальное начальство выступало за восстановление патриаршества, регулярность церковных соборов, самоуправления церковных приходов, за выборность общиной приходских священников, децентрализацию управления епархиями.

Эти вопросы обсуждались на Предсоборном Присутствии с 8 марта по 15 декабря 1906 г. Хотя Николай II (1894–1917гг.) и согласился с положениями итогового доклада этого церковного совещания о необходимости восстановления практики созывов поместных церковных соборов и восстановления патриаршества все же, ссылаясь на сложность общественной обстановки, отложил реализацию этих вопросов на неопределенный срок.

На это решение Николая II повлияла общественно-политическая активность церкви, усиление участия духовенства в партийной жизни страны. Леворадикальными настроениями отличались некоторые священники–депутаты II Государственной Думы. Появились в это время и общественно-политические организации белого духовенства, среди которого были популярны идеи «христианского социализма». Значительная часть духовенства исповедовала право-монархические убеждения.

Таким образом, несмотря на социально-экономические и политические реформы начала XX века, преобразования не коснулись сферы церковно-государственных отношений. Церковные вопросы были исключены из ведения Государственной Думы и вплоть до 1917 г. находились в исключительной компетенции императора.

Ход церковным реформам был дан лишь временным правительством. Пятого августа 1917 года была ликвидирована Синодально-прокурорская система, церковные приходы получили значение первичных церковных единиц и статус юридического лица. Единственный конфликт между русской православной церковью и временным правительством был вызван национализацией всех церковно-приходских школ.

В августе 1917 года на Поместном соборе были выработаны новые принципы церковной организации. По этому вопросу боролись сторонники коллегиального и единоличного принципа управления. В итоге роль патриарха сводилась к функции председателя Поместных соборов, Священного Синода и Высшего церковного совета (представительного органа, состоявшего из духовенства и мирян).

Во главе епархии Великий Московский поместный собор поставил выборное епархиальное управление, избиравшееся на епархиальных съездах. Вводилось самоуправление приходов, а также выборность кандидата в настоятели. Таким образом, утверждался принцип «соборности» на всех уровнях церковной организации.

Однако реализация этих принципов в условиях советской действительности оказалась невозможной. Русской православной церкви в общественно-политической и культурной сфере жизни советским государством не было отведено место. Советская власть признавала только группы мирян, заключивших договор с местной властью о найме храма для богослужения, а не духовенство.

Контрольные вопросы по теме:

1. На каких принципах строились церковно-государственные отношения при Петре I ?
2. Что изменила в устройстве церковной организации церковная реформа Петра I ?
3. В чем заключалась специфика положения Синода в системе органов власти при приемниках Петра?
4. Как протекал процесс секуляризации церковных земель? Какие факторы тормозили его течение?
5. Какое значение придавала социальной деятельности церкви теория просвещенного абсолютизма при Екатерине II ?
6. Какие изменения в течение XVIII – XIX вв. произошли в полномочиях обер-прокурора Синода ? Охарактеризуйте организационные изменения в структуре управления церковью в XIX в.
7. Что становилось объектом критики, и какие требования выдвигало общество в целом и духовенство, в частности, относительно существующих церковно-государственных отношений во второй половине XIX в.?
8. Как повлияло принятие закона «О веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. на отношения между церковью и государством? Какие требования в связи с его принятием выдвигало духовенство? Почему эти требования не были выполнены ?
9. Как изменилась церковная организация и принципы отношений с государством в период Временного правительства ?

Рекомендуемая литература по теме:

1. Смолич И.К. История русской церкви. 1700-1917гг. - Ч. 1./И.К. Смолич. – М., 1996.
2. Он же. История русской церкви. 1700-1917 гг. - Ч. 2./ И.К. Смолич. – М., 1997.
3. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Собр. соч. в 2-х т. - Т. 2./ А.В. Карташев. – М., 1993.
4. Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений Российской империи: 1856-1904 гг. /С.И. Алексеева. – СПб, 1997.
5. Зубанова С.Г. Государственно-церковные отношения в XIX веке. /С.Г. Зубанова. – М., 2001.
6. Она же. Социально-историческая роль русской православной церкви в XIX веке. / С. Г. Зубанова. - М., 2002.
7. Ореханов. Ю.Л. Исторический контекст подготовки поместного собора РПЦ и генезис церковно-реформаторского движения: 1905-1906 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю.Л. Ореханов. – М., 2005.
8. Семашко А.Г. Русская православная церковь в государственном механизме Российской империи в XIX в.: историко-правовой аспект: Автореф. дис. ...канд юр. наук. / А.Г. Семашко. – М., 2007.

Тема V. Русская православная церковь в СССР

I. Церковная политика советской власти в 1917-1941 гг.

Период с 1917-1941 гг. – это наиболее сложный этап в истории русской православной церкви. В это время советское государство вело открытую борьбу на ее уничтожение.

Законодательной основой церковной политики советской власти стал декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В результате принятия декрета церковь лишилась своих прав на движимое и недвижимое имущество, права юридического лица. Закрывались все церковные печатные издания, из ведения церкви уходили церковно-приходские школы, семинарии, духовные академии.

В мае 1918 года при Народном комиссариате юстиции был образован отдел по религиозным делам – «ликвидационный». Специальный отдел по вопросам церкви был создан в НКВД.

Церковь отреагировала на эти действия обличительными посланиями советскому правительству, многотысячными крестными ходами, осуждением Декрета на Поместном соборе. Весной 1918 года защищавшие имущество церкви прихожане в более чем в 1400 столкновений убили 138 представителей партии большевиков и советской власти.

Но и Поместный собор и патриарх, впервые избранный за последние 200 лет (патриарх Тихон был выбран Церковным собором в декабре 1917 г.), пытались быть нейтральными, настаивая на том, что цели церкви лежат вне политики. Несмотря на то что в годы Гражданской войны патриарх составил 4 послания, осуждающих советскую власть и лично Ленина, и даже анафемствовал все силы гражданской войны, все же церковь в итоге заявила о своей лояльности к советскому режиму уже 8 октября 1918 года. Патриарх отказался дать даже тайное благословение вождям «Белого движения».

Церковь заявила, что она не несет ответственности за гражданский выбор отдельных священников. Это заявление было связано с тем, что многие из них участвовали в «Белом движении».

В годы Гражданской войны советская власть преследовала православие, прежде всего, как основу старого политического режима. Значительный удар по РПЦ нанесло постановление 1919 года о передаче мощей святых в музеи. Это решение преследовало цель подрыва идеологических позиций церкви.

К 1921 году у церкви было конфисковано более половины всех монастырей. Только с июня 1918 по январь 1919 гг. было убито почти двадцать архиепископов и несколько сотен священников, дьяконов и монахов. После гражданской войны расстрел священников продолжался. Так, например, в 1922 году было расстреляно около трех с половиной тысяч священнослужителей.

Таким образом, уже в годы в Гражданской войны сложились три основные линии советской борьбы с церковью: физическое уничтожение духовенства (репрессии), подрыв материальной базы церкви и идеологическая борьба с православием.

Особое внимание советская власть обращала на третье направление. Для его осуществления в СССР уже с 1922 года большим тиражом начинает выходить газета «Атеист», журнал и газета «Безбожник», выполнявшие задачи антирелигиозной пропаганды.

Идеологическая борьба с русской православной церковью находилась с 1922 года под контролем антирелигиозной комиссии Политбюро ЦК. Она до 1930 года координировала деятельность всех государственных и общественных организаций против церкви. Председатель комиссии – Емельян Ярославский (Миней Губельман) с 1925 года занимал пост и председателя «Союза воинствующих безбожников», целью которого было насаждение атеизма. «Союз» действовал как общественная организация и занимался погромами церковью, устраивал антирелигиозные парады и шествия. В середине 30-х гг. в ней насчитывалось более 5,5 млн человек. Ее активистами были пионеры, школьники и комсомольцы. Деятельность «Союза» облегчалась изданием в

1929 году закона о запрещении любой формы религиозной пропаганды, кроме атеистической. Организация требовала для облегчения церковных погромов отменить статус художественной ценности для культовых зданий.

Другой разновидностью идеологической борьбы с церковью являлась дезинформация священнослужителей, целью которой было столкновение их между собой. Здесь важной задачей являлось формирование идейного раскола внутри церкви, создание в ней противоборствующих группировок. Такая форма борьбы выразилась, в так называемом «обновленческом движении» в РПЦ. Обновленчество было организовано ГПУ НКВД в мае 1922 года как альтернативное оппозиционное течение внутри церкви. Оно имело идейные корни в самой церкви и организационно представляло собой объединение ряда образовавшихся на местах и образованных ГПУ пробольшевитских церковных группировок: «Живая церковь» священника В. Красницкого, «Союз общин древнеапостольской церкви» протоирея А.И. Введенского и др.

Обновленчество исповедовало христианско-социалистические идеалы, существовавшие внутри церковной мысли еще до революции. Обновленцы выдвигали требования об отмене патриаршества как разновидности монархической власти, о ведении богослужения на русском языке, об изъятии церковных ценностей (выступали за «бедную» церковь), благословляли большевиков и советскую власть. Обновленческие группы состояли, как правило, из простых священников. Поэтому важным требованием обновленцев было уравнивание в правах «черного» и «белого» духовенства. Эти требования позволили епископату называть это течение «бунтом, рвущихся к власти попов».

Пик обновленчества пришелся на середину 1920-х годов. В это время прошло несколько «обновленческих соборов», на которых было создано новое, альтернативное патриаршему Высшее церковное управление (ВЦУ). Эту структуру большинство иерархов вынуждено было признать в качестве легитимной. Ряд неугодных архиереев были смещены обновленцами со своих постов.

Обновленчество на прямую финансировалось ГПУ из средств, изъятых у той же церкви. Однако в целом оно не пользовалось популярностью среди верующих. Хотя захват храмов обновленцами и затравливание сторонников патриарха Тихона при помощи местных властей продолжались и далее, но уже к концу 20-х годов это движение фактически прекратило свое существование (официально «Обновленческая церковь» закрылась в послевоенные годы). Возможно, народ отталкивало явное сотрудничество обновленцев с ГПУ и непопулярность социалистических идей среди верующих. Кроме того, возможно церковное общество не приняло именно богослужебные нововведения обновленцев. В любом случае обновленчество отрицательно сказалось на состоянии русской православной церкви, т.к. дискредитировало любые церковные реформы.

Другой формой борьбы с церковью являлись *репрессии против духовенства*. Только в 1937 году по приказу НКВД о борьбе с антисоветскими элементами было арестовано 137 тысяч церковно- и священнослужителей.

В 1922-1923 гг. сидел в тюрьме и сам патриарх Тихон, арестованный за сопротивление изъятию церковного имущества. В 1925 году оказался под арестом сменивший патриарха Тихона, местоблюститель патриаршего престола - митрополит Петр (Полянский). В 1937 году он был расстрелян. Еще в 1927 году был арестован заместитель Петра – митрополит Сергей (Старгородский). Главным местом заключения иерархов в 1920-е годы был Соловецкий монастырь. В 1926 году там отбывали срок 24 епископа.

Активно развивалось в 1920-1930-е гг. еще одно направление борьбы с церковью - *подрыв материальных позиций духовенства*. Так, в 1922-1923 гг., во время сильного голода в РСФСР, Ленин использовал эту ситуацию как повод для изъятия церковных ценностей.

Массовый характер приняло закрытие храмов. Если к концу 1920-х годов на территории СССР оставалось около 30 тысяч православных действующих храмов, то к 1939 году их сохранилось в качестве действующих только двести.

Предлоги для их закрытия были самые разные: государственные нужды, карантин, лишение регистрации и т.д.

Практически к нулю сводила церковные доходы система налогообложения. Налоги с представителей духовенства взимались как с частных предпринимателей (до 81 процента с дохода). При этом уровень дохода священнослужителей устанавливался практически произвольно финансовыми инспекторами. Кроме того, со священников брали налог за непризываемость к военной службе (20 процентов от дохода), налог за неучастие в выборах. Священники платили повышенную квартплату и повышенный земельный налог. Им не предоставлялось муниципальное жилье, они не получали продуктовых карточек. Даже на культовое пение в храме налагалась налоговая пошлина.

Митрополиты жаловались властям, объясняя, что у церкви нет своих доходов. Поэтому подоходный налог ложится дополнительным бременем на прихожан, превращаясь в особый налог на веру. Духовенство также просило предоставить право для собственных детей свободно поступать в государственные школы и вузы. Однако послабления в этой сфере были сделаны только в середине 1940-х годов.

Все эти формы активного наступления на церковь позволили в середине 30-х гг. председателю «Общества воинствующих безбожников» утверждать, что в СССР 80 процентов населения – атеисты.

В 1920–1930-е годы церковь так и не смогла добиться государственной регистрации. Она не числилась в государственных реестрах ни как общественная, ни как религиозная организация.

После 1925 года РПЦ не имела и патриарха, выборам которого препятствовало НКВД. Фактически в это время церковь административно возглавлял заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергей (Старгородский). В 1926 году он вел тайные переговоры с архиереями по вопросу о выборе патриарха. С этим вопросом три представителя Сергея объехали практически все епархии. Однако вскоре были арестованы ГПУ и

репрессированы. По возбужденному делу было также арестовано около 100 архиереев, в т.ч. и сам митрополит Сергей.

В 1927 году, находясь в тюрьме, под контролем ГПУ митрополит составил очередную «декларацию о лояльности» церкви. В ней отрицались какие-либо церковные гонения в СССР, выражалась благодарность советской власти за заботу о церкви. Это было условием освобождения митрополита Сергея, который к тому же получил возможность составить патриарший Синод и зарегистрировать его в мае 1927 года (т.е. легализован был только Синод, а не церковь и не епархии).

Политикой компромисса с советской властью митрополит надеялся добиться освобождения арестованного духовенства, восстановления богословских школ, церковной периодики и братств. В начале 1930-х гг. кое-что из этого было реализовано. На несколько лет в Ленинграде открылся Богословский институт. С 1931 г. по 1935 г. выходил тиражом в 3 тысячи экземпляров «Журнал Московской Патриархии».

Однако «декларация о лояльности» от 1927 года привела и к отрицательным последствиям, снова расколов духовенство. Как следствие, в СССР образовалась так называемая «Катакомбная церковь». Ее члены не признавали власть митрополита Сергея и его «декларацию», рассматривали советскую власть как безбожную. «Катакомбная церковь» состояла из тайных священников и возглавлялась митрополитом Казанским Кириллом, епископом Афанасием (Сахаровым), митрополитом Иосифом (Петровых).

После смерти митрополита Сергея (Старгородского) в 1943 году и в связи с выбором нового патриарха – Алексея I (Симанского), большая часть «Катакомбной церкви» слилась с патриаршей. Хотя фактически она существовала до начала 80-х годов и строго преследовалась.

В 1939–1941 гг. наблюдалось ослабление нажима на церковь. Это связано со сложной внешней политической обстановкой, в которой находилась страна и, вероятно, с тем, что церковь была организационно разгромлена. Это признавал и сам митрополит Сергей (Старгородский).

II. Советское государство и русская православная церковь во второй половине XX века.

Отношения между русской православной церковью и советской властью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) претерпели ряд изменений. Во время войны РПЦ в целом занимала патриотическую, оборонческую позицию. Хотя митрополит Сергей в последние годы своей жизни (с 1941 по 1943 гг.) находился в своеобразной ссылке – был эвакуирован в Ульяновск, тем не менее он и оттуда продолжал поддерживать советскую власть. Так, он публично выступал с осуждением священнослужителей, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории (самым известным из них был митрополит Сергей (Воскресенский), экзарх Прибалтики). Церковь оказывала посильную материальную помощь Красной Армии. На церковные пожертвования была создана танковая бригада и эскадрилья истребителей.

В ответ на это в 1942 году власти впервые официально разрешили крестный ход на Пасху в Москве и открыли счет в банке для Синода.

Серьезные сдвиги в положении церкви начали происходить с 4 сентября 1943 года, когда состоялась встреча И.В. Сталина с митрополитом Сергеем (Старгородским), Алексеем (Ленинградским) и митрополитом Николаем – экзархом Украины. На этой встрече Сергей просил за арестованное духовенство. Кроме того, говорили об открытии семинарий, о возвращении церкви Троице-Сергеевой лавры, о возрождении «Журнала Московской Патриархии». Речь шла и о созыве Поместного собора.

Собор состоялся через четыре дня, 8 сентября 1943 года. На нем единогласно был избран патриархом Сергей (Старгородский).

Во время встречи со Сталиным за обещание не вмешиваться в литургическую жизнь церкви митрополиты дали встречное обещание о поддержке советской внешней политики. Этому обещанию церковь пыталась следовать потом в течение всей второй половины XX века, вплоть до исчезновения СССР с политической карты мира.

Причина такого «потепления» церковно-государственных отношений связывается, во-первых, с необходимостью дать адекватный ответ немецкой церковной политике на оккупированных территориях, где происходило массовое открытие церквей. А во-вторых, с приездом в 1943 году в Москву делегации Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским.

Результаты договоренности митрополитов со Сталиным дали о себе знать уже после смерти митрополита Сергея, в 1944 году. В это время открывается Московская духовная семинария, Богословский институт, позднее ставший духовной академией в Сергиевом Посаде.

Русская православная церковь в первое послевоенное десятилетие не испытывала гонений в масштабах 1930-х годов. С 1945 года координацией работы между церковью и правительством стал заниматься Совет по делам РПЦ. Совет грубо вмешивался в дела русской церкви, осуществлял диктаторский нажим на патриарха и Синод: самостоятельно разрабатывал «Положения по управлению РПЦ», единолично решал вопрос о количестве монастырей. В его компетенции находились вопросы о регистрации церковных приходов, открытии семинарий и т.д.

Если в 1930-е годы антирелигиозная пропаганда осуществлялась в грубой открытой форме, то с середины 1940-х годов задача усиления атеистической идеологии решалась через популяризацию научного мировоззрения. С этой целью в 1947 году было создано «Всесоюзное общество по распространению научных и политических знаний» – общество «Знание». В отличие от «Союза воинствующих безбожников», «Знание» занималось популяризацией наук, чтением публичных лекций. В «Общество» вербовали как солидных ученых, так и марксистских лекторов атеизма в ранге докторов философских наук.

Состояние самой церкви в 1945–1955 гг. определялось выработанными «Положениями об управлении русской православной церковью». «Положения» на всех уровнях церковной организации утверждали единоличную власть клирика – от патриарха до настоятеля прихода. При этом утверждение всех иерархов обязательно согласовывалось с Советом по делам РПЦ. Тем самым

этот документ облегчал контроль над духовенством, т.к. управление церковью приобретало личностный характер.

Основные приходские должности: старосты, секретаря, казначея – «Положения» предоставляли мирянам. В то же время документ разрешал приходам отчислять часть своих доходов в пользу епархии, а епархиям – на нужды патриархии, богословских учебных заведений.

В 1943–1947 гг. в СССР было открыто семь семинарий: в Загорске, Ленинграде, Ставрополе, Жирновцах, Киеве, Одессе и Луцке и две академии – в Загорске и Ленинграде. В 1948 году была открыта семинария в Саратове.

Предельное число открытых храмов в СССР было достигнуто к 1949 году. При этом церковь продолжала испытывать «кадровый голод».

Государственное давление на церковь во второй половине 1950-х – в первой половине 1960-х гг. было серьезно увеличено. Глава государства Н.С. Хрущев провозгласил курс на выдавливание церкви из советского общества. Особенно гонения на церковь усилились с 1959 года, после XXI съезда КПСС, на котором Хрущев объявил о готовности страны войти в коммунистическую фазу развития к 1980 году. В советской идеологии духовным основанием коммунизма считался атеизм, поэтому на этом съезде Хрущев заявил, что через семь лет (видимо, это связано с принятием семилетнего плана экономического развития СССР), он покажет последнего «попа» по телевизору. Началось наступление на монастыри, семинарии, церковные приходы.

При Хрущеве произошел возврат к законодательству о церкви от 1929 года. В результате снова был возобновлен запрет на оказание финансовой помощи «богатых» церковных приходов «бедным». Следствием такого шага стало закрытие беднейших, в основном деревенских храмов. Священников по разным причинам лишали регистрации. Если храм в течение шести месяцев оставался без священника и служб, то его закрывали как недействующий.

Гонения осуществлялись и на прихожан. Паспортные данные участников церковных служб записывались в богослужебные книги и проверялись

уполномоченными Совета по делам РПЦ. Затем таких лиц «прорабатывали» на партийных собраниях по месту работы.

Уполномоченные Совета по делам РПЦ в устной форме запрещали священникам начинать богослужение в присутствии детей, причащать детей, не разрешали мальчикам прислуживать в алтаре.

В начале 1960-х гг. были закрыты пять из восьми семинарий: Ставропольская, Киевская, Саратовская, Волынская и Минская. Власти потребовали исключить из учебного курса семинарий все предметы общеобразовательного цикла. Религиозное образование было запрещено до 18 лет. Семинаристам запрещалось общаться с учащимися других учебных заведений.

После Великой Отечественной войны в СССР действовал 101 монастырь. Из них с разрешения властей – только Троице-Сергиева лавра. В отношении монастырей проводилась политика «укрупнения», сократившая их число в несколько раз.

На идеологическом фронте кроме общества «Знание» с 1959 года в борьбе с церковью подвизался журнал «Наука и религия». В это время курсы научного атеизма были введены во всех вузах страны, создан Институт научного атеизма. Активисты общества «Знание» проводили «большую индивидуальную работу с верующими».

В самом кадровом составе церковной организации в 1950-1960-е годы произошли определенные перемены. В 1961 году были внесены изменения в «Положения об управлении русской православной церковью». Теперь священник лишался всех функций в приходе кроме проведения богослужения. В самом приходе вся власть переходила к исполнительному органу из трех мирян, который утверждался райсоветом, а фактически секретарем райкома КПСС. Таким образом, священник лишался права налагать административные и церковные взыскания, распоряжаться приходской казной, что вело к разложению прихода изнутри. Изменения в руководстве прихода вели и к злоупотреблениям приходской казной.

В 1960-е годы произошла смена поколений в системе управления церковью. Пришли новые молодые епископы, родившиеся в СССР и обладавшие советизированным мышлением. Трагичность восприятия положения церкви в советском государстве в их сознании была несколько сглаженной.

В финансовой сфере из-за налогового пресса церкви приходилось укрывать часть своих доходов. Во многом по этому финансовые вопросы изымались из ведения духовенства.

Несмотря на усиление церковных гонений, «хрущевский период» отличался определенной религиозной оживленностью. Больше количество людей стало посещать церковь. С одной стороны, это стало следствием десталинизации общества. С другой стороны, людей привлекала усиливавшаяся злободневность проповедей духовенства. Самую большую категорию прихожан стали составлять пенсионеры, особенно после того как был утвержден закон о пенсиях. Пенсионерам не имело смысла скрывать свои убеждения, т.к. за них они не получали никакого выговора на партсобраниях по месту работы.

Церковная политика в период «развитого социализма» (1965–1985 гг.) выдвинула модель не физического уничтожения церкви, а ее приспособления к советской действительности.

В это время церковь, как и общество, живет в условиях идеологического разложения режима, который накладывал свой опечаток на церковную жизнь. С 1965 года Совет по делам РПЦ был переименован в Совет по делам религий, который с 1975 года становится единственной инстанцией, решающей все вопросы, связанные с положением русской православной церкви в государстве. Таким образом, контроль над РПЦ приобрел более централизованный характер.

Совет по делам религий также осуществлял диктат в отношении церкви. Однако теперь в условиях кризиса советской системы он встречал определенное сопротивление. Так, в 1975 году на сессии Генеральной ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби (Кения) было озвучено

письмо священников Глеба Якунина и Льва Регельсона, в котором рассказывалось о религиозных преследованиях в СССР. В 1977 году епископ Полтавский Феодосий направил меморандум Л.И. Брежневу, в котором вскрывались вопиющие факты деспотии уполномоченных Совета по делам религий, факты вымогательства средств приходского бюджета. В целом активная часть духовенства требовала пересмотра церковного законодательства в пользу церкви.

Этой частью священников был создан Комитет по защите прав верующих, члены которого также подвергались репрессиям. Однако в 1970-е – начале 1980-х гг. гонения не были столь же суровыми, как и в предыдущие периоды, и судьбе церкви никак не угрожали. Лишение регистрации церковных приходов оставалось главным оружием в борьбе с духовенством.

На этом фоне другая часть церкви во главе с новым патриархом Пименом (Извековым), сменившем в 1970 году умершего на 93 году жизни патриарха Алексея I, оставалась пассивно-послушной перед советской властью. В это время на всех официальных выступлениях (сессиях Всемирного Совета Церквей, на международных форумах мира) эти представители РПЦ решительно отрицали наличие гонений и даже ущемление прав верующих в СССР. Одновременно эти же официальные чины церкви игнорировали гражданские приговоры, выносимые духовенству: выходившие из заключения епископы снова назначались на кафедры.

Одновременно во внутренней церковной жизни произошли значительные изменения. В конце 1960-х гг. был снят негласный запрет на прием в духовные школы лиц с дипломами советских вузов. Это привело к тому, что в священнослужители пошла советская интеллигенция. С середины 1970-х гг. появляются религиозно-философские кружки, семинары, религиозный самиздат.

В это время вошла в практику вопросно-ответная система общения с прихожанами, когда после проповеди священнослужители отвечали на письменные вопросы верующих (такую систему общения практиковали

священник Дмитрия Дудко, архиепископ Кирилл (Гундяев) – ректор Ленинградской духовной академии).

Несколько улучшилась материальная база церкви. С 1975 года законодательно (а не в виде временных директив) за церковь закреплялось право владеть движимым и недвижимым имуществом (кроме храмов и молитвенных домов).

В 1980 г. церковь был открыт собственный большой завод и мастерские церковной утвари в Софрино. Об этом ходатайствовали с 1946 г.

С 1 января 1981 г. церковь стала платить подоходный налог как общественная организация, что уменьшило размеры налога на 12 процентов.

Несколько увеличился тираж «Журнала Московской Патриархии» (15 – 20 тыс. экземпляров). Однако и в начале 1980-х гг. у патриархии не было собственной полиграфической базы, хотя издательский отдел и имел собственное помещение. В то же время массовая религиозно-просветительская литература выпускалась в небольших количествах.

Взаимоотношения церкви и государства в период перестройки (1985 – 1991 гг.) развивались на фоне кризиса политического управления, утраты Коммунистической партией своего авторитета в обществе, потери последним ценностных ориентиров. В результате в обществе распространяются различные формы богоискательства, значительно возрастает интерес к религии. Уже в 1987 г. по распоряжению ЦК КПСС «перестраивается» журнал «Наука и религия». Из антирелигиозного он превращается в журнал верующих и неверующих.

Во второй половине 1980-х гг. было проведено несколько церковно-исторических и богословских конференций: в Киеве, Москве и Ленинграде, на которых четко обозначился курс на постепенную «реабилитацию» церкви.

В апреле 1988 г. состоялась встреча М.С. Горбачева с составом Синода. Патриарх Пимен вручил Горбачеву докладную записку о притеснении верующих и о положении русской православной церкви. В ней духовенство требовало предоставить церкви статус юридического лица и прав

общественной организации, нового государственного законодательства в отношении религии.

Празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. стало поводом круто поменять церковную политику, вписав ее в общий курс государства на развитие демократии в стране, демократизацию общественно-политических отношений. В период празднования, в июне 1988 г. состоялся Поместный церковный собор, на котором был принят новый устав об управлении РПЦ. Курс на независимость русской православной церкви от государства проявился во время работы собора в том, что принимаемый им новый устав разрабатывался только церковными кругами без участия Совета по делам религий.

В 1990 г. были приняты союзный закон о свободе совести и закон РСФСР о свободе вероисповеданий, которые, по сути, подтвердили действие церковного устава на государственном законодательном уровне.

«Закон о веротерпимости», принятый российскими республиканскими властями в 1990 г., упразднял Совет по делам религий. Церковь, получившая государственную регистрацию, признавалась юридическим лицом с правом собственности на движимое и недвижимое имущество, включая храмы. Ей были переданы все права общественной организации. Российское государство было признано секуляризованным, светским, не субсидирующим ни верующих, ни атеистов. Уведомление государства о создании религиозного общества становилось необязательным.

В соответствии с законом государство не возлагало никаких государственных функций на религиозные организации и не вмешивалось в их деятельность.

Таким образом законодательно был дан импульс прежде всего к материальному возрождению церковной организации. С 1988 по 1994 гг. РПЦ было возвращено или построено заново около 10 тысяч храмов. Количество монастырей за это время увеличилось с 17 до 360. За этот же период число богословских учебных заведений выросло с 5 до 60. Также важно, что были сняты и ограничения для ее социального служения в России.

Контрольные вопросы по теме:

1. В чем заключались цели советской церковной политики? Как они менялись с течением времени?
2. Какие направления борьбы советского государства с православной церковью сформировались в 1917–1941 гг.? Каковы их особенности и результаты в этот период советской истории?
3. В чем заключалась специфика положения православной церкви в советском государстве в 1917–1941 гг.? Какие проблемы для нее были первоочередными в это время?
4. Как изменились отношения между церковью и государством в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие? В чем причины этих изменений?
5. Дайте характеристику церковной политики в так называемый «хрущевский период» истории страны. Какие изменения произошли в церковной организации в это время?
6. Как отразились «застойные» явления в жизни страны на положении РПЦ в 1965–1985 гг.? Что в это время изменилось во внутренней жизни церкви?
7. В чем заключались причины изменения курса церковной политики в период перестройки?

Рекомендуемая литература по теме:

1. Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941 гг. Документы и фотоматериалы. – М., 1996.
2. Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России, СССР. /Д.В. Поспеловский. – М., 1996.
3. Он же. Русская православная церковь в XX веке./ Д.В. Поспеловский – М., 1995.
4. Одинцов М.И. Государство и церковь (1917–1935 гг.). / М.И. Одинцов. – М., 1991.

5. Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.). Материалы и документы по истории отношений между церковью и государством. – М., 1995.

Заключение.

Церковь и государство в постсоветской России

Русская православная церковь сегодня является крупнейшей религиозной организацией на постсоветском пространстве. Материальный рост РПЦ во многом обеспечивается государством. Власть рассматривает церковь как «государствообразующую» конфессию, выражающую духовные, культурные интересы российского народа. Поэтому политика солидарности с РПЦ для государства является важным способом формирования образа легитимной власти в общественно-политическом сознании населения страны. Этим во многом объясняется и финансовая поддержка властями церковных инициатив, появление чиновников высшего и среднего рангов на церковных службах, предоставление различных привилегий высшему церковному руководству, пользование РПЦ налоговыми льготами.

Официальное церковное управление сегодня придерживается идеи тесного сотрудничества между церковью и государством, идеи «национальной русской церкви». РПЦ претендует на роль духовного лидера российского общества. Современные экономические проблемы, кризис доверия общества к власти, демографическую «яму» и т.д. духовенство трактует как производные от кризиса в духовно-нравственной сфере общества. РПЦ делает упор на идею духовного возрождения через возврат к православным христианским ценностям, считая их адекватными современному развитию российского социума. Христианские ценности рассматриваются как вневременные, а современное «общество потребления» – лишь как временный этап социального развития.

Гребенюк Алексей Викторович

Проблема взаимоотношений русской православной церкви и государства в
курсе отечественной истории

Учебно-методическое пособие

Редактор
Н.П. Гришуткина

Подписано в печать _____ Формат 60x90 1/16 Бумага газетная. Печать трафаретная.
Уч. изд. л. 4,2 Усл. печ. л. 4,6 Тираж 300 экз. Заказ №

Государственное федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
603950, Н.Новгород, Ильинская,65.
Полиграфцентр ННГАСУ, 603950, Н.Новгород, Ильинская,65